

Сдвиг

Автор:

Алексей Евтушенко

Сдвиг

Алексей Анатольевич Евтушенко

СССР-XXI

Миллионы лет в ледяных глубинах Антарктиды он ждал своего часа. И когда чрезмерно любопытные люди пробурили ему дорогу наверх, Вирус стал считать человечество с лица планеты, как уже смел несколько предыдущих цивилизаций. Но на этот раз на Земле нашелся гений, создавший машину времени, способную изменить прошлое. Он создал Реальность-2, где не было Вируса, но сохранилось человечество, которое сумело построить светлое будущее, о котором мечтали в Советском Союзе. Россиянин Данила Воронин, отправившийся в обыкновенную служебную командировку, и не подозревал, что ему придется очутиться в альтернативном будущем...

Алексей Евтушенко

Сдвиг

© Евтушенко А. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

В то утро я выехал раньше обычного, примерно на час. Последний отрезок пути предстояло преодолеть по относительно нормальной асфальтированной дороге лишь частично. Затем, на семьдесят втором километре от города, следовало свернуть на грунтовку и переть по ней на северо-восток еще пять с лишним десятков км. И на оставшиеся три с половиной, судя по описанию, меня ждала шикарная частная бетонка, ровная и гладкая, на которой можно нормально притопить педаль газа.

Скорость я люблю, но без фанатизма. Главное – доставить груз в целости и сохранности и вовремя. Поэтому с учетом возможной сентябрьской непогоды и длинной неизведанной грунтовки выбрал на этот раз трудягу «УАЗ» «Патриот» вместо привычной Toyota Camry. Клиенту, который может себе позволить забраться в такую глушь, куда по асфальту не доедешь, и тем не менее пользоваться услугами нашей фирмы, по фигу, на какой машине ты привезешь заказ. А если даже и нет, то по фигу мне. Мы клиентам не служим, мы с ними работаем.

Но раньше я выехал не потому, что хотел иметь запас времени на случай непредвиденных обстоятельств – этот запас у меня был в любом случае, – а из-за того, что проснулся в шесть утра. Без всякого будильника. Бодрым и отдохнувшим, хотя накануне лег в начале первого. Сна – ни в одном глазу. Пришлось вставать, делать зарядку, бриться, умываться, одеваться и спускаться завтракать.

Некоторые из моих коллег, особенно те, кто любит пустить пыль в глаза девчонкам, называют себя «перевозчиками». По аналогии с фильмом «Перевозчик». Ну, помните? Там еще относительно молодой Джейсон Стетхем играет крутого лысого перца, который доставляет грузы или людей куда скажут. За хорошие бабки. Фильм забойный, давно стал классикой в своем жанре, но к нашей работе отношения не имеет. Почти. То самое «почти», которое и дает основание некоторым моим вышеупомянутым коллегам на девичий вопрос «А чем вы занимаетесь?» отвечать с эдакой небрежной ленцой: «Я – перевозчик». Предварительно скупно усмехнувшись краешком рта. И дальше по накатанной: тайна заказчика, опасности, о которых настоящий мужчина не распространяется (но намекнуть может), подразумеваемое одиночество и отсутствие женской ласки, бокал-другой вина или рюмка-вторая чего-нибудь покрепче – и все, можно

вести девушку в койку. И так каждый раз. Тут, главное, имена не перепутать. Особенно если женат.

Я не женат. И, если спрашивают о профессии, говорю так, как написано в трудовом договоре, – курьер, мол. В прошлом – строитель и немного механик. Получается гораздо загадочнее, интриги больше. Сидит в приличном баре высокий симпатичный блондин в неслабом прикиде, пьет хороший виски со льдом и сообщает, что он курьер. Разве бывают такие курьеры? Сразу возникает куча вопросов, на которые хочется получить ответы. Интерес возникает. Да не примитивный, лобовой, как в случае с «перевозчиком», похожий по действию на полстакана водки, залитой в пустой желудок и последующей «беломориной», а более тонкий, интеллигентный и даже, не побоюсь этого слова, где-то духовный. Словно добрый семилетний ром, выдержанный в бочке из-под хереса, который неспешно пьется на деревянной веранде с видом на океан. Под сладкие дольки мандарина и кубинскую сигару за двадцать баксов.

Чувствуете разницу?

Вот и я чувствую. А все почему? Потому что правда всегда бьет лукавство. Пусть даже хорошо замаскированное. И ты в результате получаешь гораздо больше, чем сомнительное удовольствие на одну ночь. Отношения получаешь. Впрочем, каждому свое, и я вовсе не претендую на то, что мой стиль знакомства и поведения с женщинами исключительно правильный. Кто-то, знаю, и вовсе предпочитает проститутку, поскольку это гораздо проще и не требует душевных затрат. А деньги – дело наживное и предназначены для того, чтобы их тратить. Вот тут согласен полностью. Но, чтобы со вкусом потратить, сначала требуется нажить. Поэтому я и работаю курьером. Особым курьером по доставке особых грузов. За особую плату.

Мотель назывался незамысловато – «У Армена» и располагался, как положено мотелю, рядом с трассой. Ничего особенного – трехэтажное здание маленькой гостиницы с кафе и продуктовым магазинчиком на первом этаже, стоянка, мойка, заправка. Все. Вчера я приехал поздно и ужинать не стал – сразу отправился в номер, принял душ и завалился спать. Другое дело – утро, особенно утро раннее. Без завтрака утром мне обойтись трудно. Если приходится, то настроение такое, что лучше не подходи – до тех пор, пока не съем хоть самый заваливающий бутерброд и не выпью чашку кофе. Лучше большую. И не растворимого.

В кафе имелись два входа: один с улицы и второй с лестницы, ведущей на верхние этажи, а также в подвал. Я вошел с лестницы. Последний раз был здесь года два назад, обедал, и, по-моему, с тех пор в зале мало что изменилось. Разве только скатерти на столиках изменили цвет с белых на светло-бежевые, да на торцовой глухой стене появилась роспись – зеленеющая равнина и две белоснежные горные вершины на фоне синего неба. Понятно, Большой и Малый Арарат.

Хозяин мотеля – кустистобровый и грузный армянин лет пятидесяти, по имени, как вы и сами могли бы догадаться, Армен, в этот ранний час уже сидел за столиком в центре зала над чашкой свежесваренного кофе, чуть горьковатый приятный аромат которого я почувствовал еще на лестнице.

– Доброе утро, – поздоровался я.

– Доброе утро, дорогой, – с привычным радушием откликнулся Армен и приглашающе повел крепкой волосатой рукой. – Присаживайся, буду тебя завтраком кормить.

Я посмотрел на него.

Закатанные до локтей рукава фланелевой в крупную красно-черную клетку рубашки а-ля «реднек», черная кожаная жилетка, чистые, но вытертые до белизны джинсы с широким узорчатым ремнем и начищенные до блеска черные остроносые туфли. Сразу видно, человек не думает, как он выглядит в глазах других людей, – носит то, что считает удобным и красивым.

Я подошел и сел за его столик.

– Омлет, – безапелляционно заявил хозяин. – С зеленым лучком. К омлету белый хлеб моей выпечки, масло, кофе. Большая чашка. А?

«Звучит отлично», – хотел сказать я, но вовремя вспомнил, что сотни раз слышал эту избитейшую фразу в голливудских фильмах, и сдержался. Не то чтобы я не любил голливудское кино, скорее даже наоборот, но вот подражание... нет, не мое это.

– Скажу спасибо, – сказал я. – Большое.

– Оля! – негромко крикнул Армен. – Омлет и кофе нашему гостю... – Он посмотрел на меня. – Как зовут?

– Данила.

– Нашему гостю Даниле!

– Пять минут, Армен Хачатурович! – донесся из кухни звонкий и веселый девичий голос.

На дворе был сентябрь, но мне показалось, что по залу, танцуя, пролетел весенний ветерок.

– Как спал? – поинтересовался Армен Хачатурович, вероятно, считая своим долгом занять внимание гостя на время ожидания омлета.

– Спасибо, хорошо. – Я не счел нужным упомянуть о своем раннем пробуждении. К чему? Через полчаса уеду, и мы, возможно, опять увидимся только через два года. Или никогда.

– А я не очень, – доверительно сообщил словоохотливый хозяин.

– Что так? – вежливо поинтересовался я.

– Сам не могу понять. Всегда сплю, как Ной на вершине Арарата. А тут полночи ворочался, вставал, курил, в окно смотрел.

– Было на что?

– Как сказать. Зарницы полыхали на северо-востоке. В полнеба. Редкий случай для сентября.

Я хотел было спросить, почему он считает, что Ноем крепко спалось на вершине Арарата (с другой стороны, почему бы и нет? Сделал дело – спи смело), но тут

Оля принесла еду, и мне стало не до болтовни.

Омлет благоухал так, что слюнки текли. Он таял во рту и мигом привел меня в самое наилучшее расположение духа. Оставалось закрепить достигнутый успех чашкой хорошего кофе. Что я и сделал и тут же попросил вторую. По мере того как чашка пустела и за окном набирало силу ясное сентябрьское утро, посетителей в кафе прибавлялось. Сначала зашли двое водителей-дальнобойщиков, набрали еды на четверых и принялись молча и быстро закидывать ее внутрь себя. Затем семья, состоящая из высокой худой мамы в очках, лысеющего папы ниже своей жены на полголовы и уже с заметным животиком – честным свидетелем отсутствия физической активности, и молчаливой сонной девочки лет пяти. Эти удовлетворились булочками с маслом, чаем и какао. И, наконец, ввалилась шумная толпа пассажиров междугороднего автобуса. Оля была нарасхват, Армен Хачатурович убежал по делам. Я допил кофе, взял в дорогу шесть свежесвепеченных пирожков с мясом, расплатился, сдал ключ и вышел на улицу. Пора было ехать.

Шапку тумана впереди я заметил с вершины холма, куда на сорок восьмом километре вывела меня грунтовка. Это было весьма необычное зрелище, поэтому я остановился и вышел из машины.

Пыльная русская дорога, мало чем отличающаяся от тех, что худо-бедно, но соединяли города и веси России и сто, и двести, и пятьсот лет назад, плавно устремлялась вниз и пропадала метрах в трехстах впереди в плотном белом тумане, похожем на одинокое большое облако, которое плыло себе по небу, плыло, потом устало и прилегло на землю отдохнуть, прикрыв собой дорогу, поле слева от дороги и часть леса справа.

Если бы я курил, то сейчас, вероятно, достал бы сигарету и поразмышлял какое-то время над тем, что вижу. Но я не курил уже год и четыре месяца, поэтому размышлять пришлось без никотина. Собственно, все размышления быстро свелись к необходимости принятия решения – ехать дальше или подождать, пока непонятный туман развеется.

«Чего ты вдруг задержался, Даня? – задал я себе вопрос. – Ну, туман. Ну, не совсем обычный. Ты что, метеоролог и знаешь все виды туманов? Мало ли какие погодные условия могли здесь спонтанно сложиться?! Определенная

температура, давление, влажность и, пожалуйста, – пласт тумана на локальной территории. Да, похож на облако. Так ведь облако – это и есть туман, по сути. Конденсированный водяной пар. Вперед, заказчик ждет».

Я огляделся еще разок (никого на дороге и вокруг, только стая неопознанных птиц танцует в небе загадочный плавный танец), послушал секунду-другую окружающую тишину, сел в машину и поехал.

За свою жизнь мне приходилось попадать в разные туманы. Летний утренний в лесу, струйками поднимающийся от травы под теплыми лучами солнца и пропадающий в вышине. Это туман бодрости, он всегда обещает яркий хороший день.

Вечерний над рекой, когда из лодки силуэты деревьев на берегу кажутся таинственными застывшими существами, только и ждущими, чтобы ожить и приблизиться на шаг к воде, как только вы отвернетесь, а неожиданный плеск крупной рыбы заставляет вздрогнуть и поплотнее запахнуть ветровку. Это туман размышлений, которые не обязательно приведут вас в жизнерадостное настроение. И даже, скорее, наоборот. Если, конечно, вы не причалите к берегу, не разведете костер и не запьете черным крепким и сладким чаем миску только что сваренной обжигающе-вкусной ухи.

Городской серый зимний туман, который может случиться в любое время дня и ночи. Он окутывает город холодным сырым одеялом, приглушает огни и звуки, навеивает меланхолию. Это туман воспоминаний. Лучше всего переносим в барах старых европейских городов рядом с другом и рюмкой-чашкой чего-нибудь согревающего.

Сравнить этот туман с каким-либо из перечисленных или другим я не успел. Потому что стоило машине погрузиться в его молочную полупрозрачную белизну метров на двести, как над головой раздался треск, словно невидимый великан разорвал в ярости крепкую мешковину, и мой «Патриот» со мной внутри оказался в коконе из ветвящихся молний. Так это выглядело. Нестерпимо сверкающие изогнутые копыта природных электроразрядов впились в землю справа, слева, сзади и впереди. Волосы на голове и руках встали дыбом. Тревожно и крепко запахло озоном. Я до отказа вжал в пол педаль тормоза и сам сжался, вцепившись в руль, словно утопающий в спасательный круг. Сердце билось где-то в горле, во рту высохло. И очень захотелось немедленно очутиться подальше отсюда. Лучше всего дома, но сойдет и мотель «У Армена». Пусть

опять будет начало восьмого утра, и девушка Оля принесет мне омлет. А я его съем, выпью кофе и попрошу Олю показать мне после работы какие-нибудь живописные окрестности. Прихвачу бутылку вина, легкую закуску, мы сядем в машину и поедем. Ну ее на фиг, эту работу. Даже в прошлом году, когда я стоял безоружный под прицелом двух обрезов в руках напрочь обдолбанных наркоманов, уверенных, что в багажнике у меня несколько кило чистейшего афганского героина, так страшно не было. Или уже в этом, ночью под Тверью, когда... Господи, да прекрати уже, пожалуйста, а то я сейчас об..!

Тут же все закончилось.

Молнии пропали, как будто их и не было вовсе.

Волосы на голове и руках послушно улеглись на место.

Невидимый великан успокоился, забрал остатки мешковины и бесшумно удалился в туман.

И даже сам туман вроде бы начал чуть-чуть рассеиваться.

Я посидел еще несколько секунд, вдохнул-выдохнул, включил первую и осторожно двинулся вперед с одним желанием – поскорее выбраться под голубое небо и солнце.

Туман редел. Вскоре я уже хорошо различал знакомую грунтовку... Стоп. Кой черт знакомую, дорога изменилась! И кардинально. Если раньше это и впрямь была плотно укатанная до бетонной твердости, без единого клочка травки грунтовка, на которой вполне могли разъехаться две машины, то теперь передо мной стелилась едва заметная, заросшая травой, а кое-где кустами и даже молодыми деревцами колея.

Что за чертовщина?

Бросил взгляд в зеркало заднего вида – там продолжал клубиться туман.

Возвращаться? И что мне это даст? Я здесь не для того, чтобы разгадывать нелепые тайны русских дорог. Тайн этих пруд пруди, а мне груз нужно

доставить. Вовремя. В конце концов колея в России – это тоже своего рода дорога. Направление обозначено, и ладно. Мой «Патриот пройдет, не зря я его выбрал. А вернуться всегда успею.

Сбросил скорость до двадцати кэмэ в час и, подминая под колеса низкий кустарник и объезжая редкие молодые осинки, внаглую растущие прямо на условной проезжей части, двинулся дальше. Очень внимательно глядя по сторонам.

Удивила меня не только дорога.

По мере того как таяла поначалу довольно плотная и вязкая для взгляда, но, чем дальше по дороге, тем все более легкая и прозрачная туманная дымка, проявлялся и пейзаж по сторонам грунтовки, и небо над пейзажем. Пейзаж, как мне показалось, был прежним. А вот небо стало другим. С самого утра, когда я только покинул мотель «У Армена», потом ехал по относительно ровному асфальту, держа скорость не ниже восьмидесяти, затем свернул на тряскую пыльную грунтовку и, наконец, остановил машину на вершине пологого холма, разглядывая внизу непонятную белую шапку тумана, небо над моей головой было ясное, синее, чистое. На этом почти летнем небе сияло горячее веселое солнце, и ничего, включая прогноз по радио, не предвещало резкого изменения погоды. И вот на тебе – не прошло и четверти часа (точнее, тринадцати минут, именно столько времени я провел в тумане), как надо мной до горизонта тянутся сплошные низкие серо-черные тучи, и вот-вот пойдет дождь.

Он и пошел. Почти сразу же, как я об этом подумал. Не ливень, а так, обычный нудноватый сентябрьский дождик. И тут же я заметил, что навигатор не работает – нет связи со спутником. А значит, определить точно свое местонахождение не представляется возможным. Ну и черт с ним, я и так его знаю. Ладно, забудем про внезапные туманы, дожди, чертовы грунтовки, меняющие свое состояние ни с того ни с сего, и неработающие навигаторы. Еще раз. Моя задача – вовремя доставить груз. И я это сделаю, несмотря ни на что. В конце концов именно за это мне платят, и платят неплохо. Я глянул на часы и включил «дворники». Судя по расчетам, до поворота на частную бетонку оставалось около пяти километров.

Однако поворот не появился ни через пять, ни через шесть, ни через восемь километров. Пропустить его я не мог, ибо смотрел очень внимательно и ехал не так быстро. Или мог? Нет, исключено. Тогда что, ошибка в расчетах? Долбаный

навигатор. Или это спутник виноват? Не важно. Важно то, что эдак и опоздать недолго. Я проехал еще пятьсот метров, остановился и вытащил из сумки распечатанную из Интернета карту. Ну да, все правильно. Вот грунтовка. Пусть уже и весьма условная, следует признать, но все же. А вот и поворот на бетонку. Проблема лишь в том, что моя машина на этой карте не обозначена, а значит, карта бесполезна, пока я не знаю, в какой точке нахожусь.

Звонить заказчику и признаваться в том, что заблудился? Нет, это на самый крайний случай. Чего доброго, меня сочтут полным идиотом, и причем будут недалеко от истины. Только идиот мог заблудиться в трех соснах там, где и одной-то поблизости не видать. Хотя нет, вон растет парочка, похожих, как две сестры, впереди и справа, недалеко от условной обочины. Значит, и того хуже – в двух.

Ладно, попробуем иначе.

Сколько там было от поворота с асфальта на грунтовку и до поворота на бетонку? Пятьдесят три километра? Кажется. Или пятьдесят пять? Я в очередной раз посмотрел на спидометр. Если ему верить, получается, что по грунтовке я проехал пятьдесят шесть с половиной км. Мой мозг по привычке запоминает такие вещи автоматически и лучше всякого компьютера – жизнь научила. Теперь снова берем распечатанную карту и смотрим на масштаб в левом нижнем углу. В одном сантиметре два километра. И что? Линейки-то нет.

Я подумал, открыл бардачок, порылся в нем и выудил на свет божий коробок спичек, который валялся там с тех пор, как я бросил курить. И еще – полпачки сигарет, кстати. Даже не знаю, почему я все это не выбросил. Вернее, знаю, но признаваться не хочется: вдруг опять до зарезу захочется покурить, а сигарет не окажется? Вечный страх курильщика, даже завязавшего. Некурильщик давно бы спокойно выбросил и сигареты, и спички.

Как бы то ни было, мне известно, что стандартный коробок имеет пять сантиметров в длину. Не помню, откуда я это знаю. Знаю – и все. И это хорошо, потому что лезть в Интернет и искать там способы измерить расстояние на бумаге без линейки не хочется. Во-первых, лень. Во-вторых, запахло. В-третьих... А что у нас, кстати, с Интернетом? Просто интересно.

Я включил смартфон. Так и есть – всемирной сети ни следа. И мобильной тоже. То есть даже реши я все-таки позвонить заказчику, ничего не выйдет. Облом.

От поворота до поворота по прямой уместилось четыре с половиной коробка. Двадцать два – двадцать три сантиметра на бумаге или сорок четыре – сорок шесть километров на местности. С учетом того, что грунтовка петляет, как раз получаются искомые пятьдесят три – пятьдесят пять километров.

Ну и что это мне дает, если поворота нет?

Я развернулся и медленно проехал назад четыре километра.

Нет поворота.

Остановил машину и вышел. Дождь закончился, и кое-где между облаками уже просвечивало голубое небо. Пахло мокрой травой и смешанным лесом, опушка которого виднелась метрах в двухстах по правую руку, сразу за кочковатой болотистой низинкой, вплотную подступающей к грунтовке.

Тишина. Господи, как же здесь тихо... Стоп, Даня. А почему, собственно, тихо? Хочу музыку. И новости с прогнозом погоды. Цивилизации хочу.

Я быстро сел в машину и включил радио. Кстати, разве оно было выключено перед тем, как я въехал в этот чертов туман? Не помню. Ладно, неважно, вспомню потом. Где моя любимая волна...

Волны не было. Точнее, ничего на ней не было. И на других волнах тоже. Автонастройка дважды прошла по всему доступному диапазону. Ни обрывка мелодии, ни фразы, ни слова, ни осмысленного звука. Ни-че-го. Только шум и треск атмосферных помех.

Видимо, на сегодня мой лимит страха был исчерпан, поэтому я просто разозлился. Какого черта, действительно? Ну ладно, понимаю, проблемы с навигатором и мобильной связью. Бывает, не впервой. Но радио?! Я не специалист, но, по-моему, в том месте, где я сейчас нахожусь, не поймать хоть какую-то передачу обычным автомобильным приемником невозможно. Факты, однако, говорят о другом. Что ж, значит, верно одно из двух: или это по каким-то

причинам все-таки возможно, или я нахожусь не там, где мне кажется. Первое мне нравилось больше. Потому что второе крепко противоречило здравому смыслу, а мне хотелось бы иметь его при себе.

Надо же, и дорогу спросить не у кого. Даже и не помню, когда последний раз я оказывался в столь пустынных местах. Только две машины мне попало на этой грунтовке с тех пор, как я на нее свернул. Старенький зеленоватый «Фольксваген» и новенький желтый пустопорожний «КамАЗ». Оба навстречу, и оба на первых двадцати километрах. Затем промелькнули четыре начинающих байкера на малокубатурных изделиях японского автопрома, тоже навстречу, и один велосипедист – таджик или узбек, лет сорока с лишним. Я еще подумал, что дядька очень органично смотрится на этой дороге среди наших полей и перелесков в джинсах, заправленных в пыльные кирзачи, и в стареньком пиджаке поверх выцветшей майки. У него еще и мятая кепка была на голове. Такая... характерная, будто вытащенная из гардероба костюмера, участвующего в съемках фильма о сороковых-пятидесятых годах прошлого века. Велосипед тоже был под стать сапогам, пиджаку и кепке – односкоростная облезлая «Украина» с багажником сзади. На таком я в деревне у деда рассекал на летних школьных каникулах лет пятнадцать назад. Классное было время.

Надо же, как много я помню. Даже то, что после этого таджика (или узбека) мне попало на глаза группа конников, следующая шагом вдоль опушки леса. На этот раз примерно в том же направлении, что и я. Любители туристической верховой езды, судя по всему. И после них будто отрезало. Никого. А прошло с тех пор... Я посмотрел на часы. Ровно полтора часа, милостивые государи и государыни. В принципе, для пустынного русского направления, изо всех сил прикидывающегося дорогой, проходящей в относительной дали от крупных и средних населенных пунктов, не так уж и много. Но все равно как-то неуютно.

Чуть поразмыслив, я решил не рисковать и поехал обратно. Впереди в отсутствии правильной карты, а также спутниковой, мобильной и радиосвязи – неизвестность. А позади точно есть холм, с которого я въехал в туман и на котором вышеозначенная связь была. Ну, или мне кажется, что была. Заодно и проверим. В самом крайнем случае поеду обратно к шоссе, там уж точно люди повстречаются.

Обратный путь занял меньше времени, потому что туман давно исчез, заколдованный поворот я уже не искал и гнал машину по колее на полной возможной скорости. На опоздание давно было плевать, хотелось только одного

– поскорее закончить со всей этой нелепицей.

Однако нелепица заканчиваться не хотела.

Для начала я так и не обнаружил того места, где закончилась нормальная грунтовка и началась заросшая колея. Не было его. Знакомый пейзаж по сторонам был, а грунтовок – фиг. Только колея. Свернуть с дороги, не заметив подобного действия, я не мог, исключено. Но если бы и свернул, то давно бы уже доехал до этого поворота. Но никакого поворота не было. Колея, бывшая некогда грунтовкой, вывела меня на плоскую вершину знакомого (как мне казалось) холма, с которого я вроде бы не так давно съехал в туман! Машина на второй передаче проехала еще метров тридцать, и тут моя правая нога уже второй раз за день соскочила с педали газа и резко ударила по тормозам, левая выжала сцепление, а правая рука сама, без малейшего вмешательства сознания, перевела рычаг переключения передач в нейтральное положение. «Патриот» замер, и вместе с ним, не веря своим глазам, замер я.

Впереди, в низине, бывшая грунтовка перепрыгивала через речку, а затем пересекалась с асфальтированным шоссе. И там, за шоссе, был город.

Можете делать со мной что хотите, но ни шоссе, ни тем более города два часа назад здесь и близко не наблюдалось.

С минуту я просидел в машине, тупо разглядывая мираж (в том, что это именно он, у меня не возникало ни малейшего сомнения), затем выключил двигатель, вытащил ключи и выбрался наружу. Отошел чуть в сторону, отлил в придорожные кусты, сосредоточенно глядя прямо перед собой, застегнулся и снова посмотрел налево, в низину.

Ничего не изменилось: едва заметная колея, бывшая (я готов был поставить на это двухмесячный заработок) еще два часа назад нормальной грунтовой дорогой, шоссе, город. Сюрреализм ситуации усугублялся тем, что ландшафт я узнавал. Его главная примета – речка со смешным названием Мохнатка, как было два часа назад, поблескивала тихой водой между ивами и кустами, разросшимися по берегам. И хорошо был виден мост, по которому я проезжал утром...

Одну минуту. Мост.

Утром он был железобетонным. С металлическими перилами. Но тот мост, на который я сейчас смотрел, был деревянным.

И еще. Самое, пожалуй, главное. Сразу за мостом и перед выездом на шоссе (на котором, к слову, не наблюдалось ни одной машины, будто вымерло все) поперек колеи в траве валялся сильно поржавевший шлагбаум. Создавалось впечатление, что его поперечина свалилась некогда на дорогу с поддерживающих и тоже весьма ржавых опор без всякого участия человека, просто время ее пришло. Справа, метрах в пятнадцати за шлагбаумом, виднелось до боли знакомое сооружение, которое я сразу не разглядел из-за обильной поросли кустарника и молодых деревьев. Низкое, сложенное в три ряда из мощных бетонных блоков, оно равнодушно пялилось на меня черным прямоугольным провалом амбразуры, внутри которого я прямо кишками ощутил расширенный зрачок пулемета. Теперь, когда глаза уже знали, что искать, я увидел и старую недобрую спираль Бруно, тянущуюся вправо и влево от заброшенного проселка сквозь кусты. Колючая проволока, так же как шлагбаум, сильно проржавела, в некоторых местах колья, на которых она держалась, сгнили и упали на землю, но она все еще мешала пройти к шоссе тому, кто вздумал бы воспользоваться обходным путем.

Ну, здравствуй, блокпост, семь два твою мать. Давно не виделись.

2

Больше всего в жизни Майкл Камински не любил две вещи: любые блюда из гороха и русских. Даром, что ни от того, ни от другого деться ему было некуда. Горох – одна из основных культур, выращиваемых на Марсе. Не любить его – все равно что когда-то не любить кукурузу в Америке. То же относится и к русским, которые, по самым последним статистическим данным, составляют чуть ли не половину населения Марса. Сорок две и шесть десятых процента, если быть точным. И если горох можно заменить, к примеру, чечевицей, которая у колонистов так же весьма популярна, то от общения с этими чертовыми русскими никуда не деться – защитный купол Маршен Тауна[1 - Маршен Таун (Martian Town) – столица Марса.] один на всех (исследовательские и горнодобывающие комплексы, стоящие отдельно, не в счет).

Спасал Майкла Камински в этих нелегких обстоятельствах лишь критический самоанализ, следуя которому он неизменно приходил к одному и тому же выводу: его нелюбовь к русским – это, по сути, не что иное, как предрассудок, глубоко укорененный в его польско-американском подсознании. Особенно нелепый в свете того, что ни русских, ни американцев, ни тем более поляков не существовало на свете уже скоро тридцать лет. Равно как всех остальных наций, народов, народностей, этнических групп и прочих племен. Те, кто родился на Земле, еще помнили о своих корнях. Но уже выросло поколение марсиан и лунян, которые никогда не бывали на планете-матери и рассказы отцов, матерей и старших сестер и братьев об этнических, расовых, религиозных и прочих конфликтах и войнах воспринимали скорее как страшную сказку, нежели уроки истории. Даже когда учили эти уроки в школе.

Сам Камински прилетел на Красную планету тридцать один год назад, в пятилетнем возрасте. Как раз только-только вышел закон, разрешающий колонистам брать с собой на Марс и Луну детей до шестнадцати лет. И ровно через шестьдесят два сола[2 - Сол – марсианские сутки, равные 24 часам 39 минутам и 35 секундам (прим. автора).] после того, как семья Камински ступила на марсианскую землю, из-под четырехкилометровой толщи антарктического льда вырвался древний, поистине дьявольский вирус, с легкостью необыкновенной уничтоживший все земное человечество в течение двух лет. Это событие не мудрствуя лукаво назвали Катастрофой на всех языках мира. Даже евреи не возражали, молчаливо согласившись, что их Шоа[3 - Шоа? (ивр. ???????? – бедствие, катастрофа) – термин, употребляемый евреями на иврите и реже на некоторых других языках для обозначения политики немецких нацистов по планомерному уничтожению еврейского этноса.] времен Второй мировой войны по масштабам не идет ни в какое сравнение.

И кто пробурил ту скважину? Правильно, русские. Потом говорили, что они всего на несколько часов обогнали норвежцев, буривших лед по соседству и пришедших к тому же апокалиптическому результату. Мало того, именно с двумя норвежскими полярниками вирус перекочевал на Евразийский континент, откуда и начал свое стремительное и смертоносное шествие по планете. Так что все виноваты. А точнее – никто, ибо если не русские с норвежцами, то рано или поздно до Катастрофы добурился бы кто-нибудь другой. Хватало там бурильщиков. Но осадочек все равно остался.

– И вообще, зачем они Львов захватили в тридцать девятом, а?

Эти слова Камински, входя в рубку, произнес вслух, сделав вид, что разговаривает сам с собой.

– Потому что Львов – исконно русский город, – ответил по-русски из кресла старпома старпом Вячеслав Малина. – Привет, Майк.

– Привет, Слава. С чего это он русский?

Малина привстал, пожал Камински руку и снова плюхнулся в кресло.

– С того, что основал его русский князь Данила Галицкий, – ответил он. – Что-то рановато ты сегодня? Еще двадцать минут до твоей вахты.

– Мало ли кто что основал. Вон Нью-Йорк тоже голландцы основали. А я, может, решил проверить, как ты службу несешь. – Камински уселся в соседнее кресло и забросил ноги в стерильно чистых ботинках на резервный пульт.

– Н-да, – вздохнул Малина. – И чье нынче Большое Яблоко? Да и Львов... Кстати, раз уж пришел, докладываю. Происшествий нет, все системы в норме, настроение бодрое. Старший помощник капитана многофункционального межпланетного корабля «Секрет» Вячеслав Малина.

– О'кей. Вот интересно, почему наша скорлупа так называется?

– Secret?

– Да. Что за странная фантазия?

– Что-то раньше ты таких вопросов не задавал.

– Раньше я как-то не задумывался.

– А тут, значит, задумался.

– Неуместная ирония по отношению к начальству ведет к непредсказуемым последствиям.

– Извините, господин капитан, сэр! Был не прав! Больше не повторится.

– И все-таки?

Ответ старпома не заставил себя ждать. У Камински даже создалось впечатление, что приготовил он его заранее. Впрочем, кто его знает, может, и приготовил. С него станется.

– Думаю, тот, кто называл корабль, был, во-первых, русским, а во-вторых, весьма романтической натурой. Мы, русские, вообще те еще романтики – пробы ставить негде. Только на первый взгляд это незаметно. Да и на второй тоже. Вот после третьей...

– Трепач, – буркнул Майк.

– Зато нескудно. Но он, скорее всего, действительно был русским.

И старпом вкратце поведал о русском писателе Александре Грине и его повести-феерии «Алые паруса».

– Шхуна, которой командовал капитан Грей и которую дождалась Ассоль, звалась «Секрет», – закончил старпом.

– Логично, – чуть подумав, заключил Камински. – Паруса алые, Марс красный... – Он покосился на предплечье, где в светло-желтый рукав комбинезона из меташелка, усиленного углеритовыми нитями, был вшит белый прямоугольник с начертанным на нем алым знаком планеты – кругом с отходящей от него вверх и вправо стрелой – флаг Марсианской республики. Более полувека назад этот флаг в романе «Чужак в чужом краю» описал американский писатель-фантаст Роберт Хайнлайн. А еще через четверть века алый знак Марса на белом прямоугольнике стал официальным флагом марсианских колонистов. Что ж, это как минимум уравнивало счет между русским и американским писателями.

– На английский эта книга переведена, не знаешь? – спросил Майкл.

– Ты же читаешь по-русски, – усмехнулся старпом. – И говоришь.

– У меня даже старпом русский, – вздохнул Камински. – Он же старый друг. Но это не значит, что я люблю русский язык.

– И русских вообще, – заключил Малина. – Не пойму, как с твоей русофобией ты умудрился стать капитаном «Секрета».

– Мохнатая лапа в Сенате? – предположил Камински.

– Не исключено. И куда смотрит комиссия по управленческой этике?

– Не гони, нет такой комиссии.

– Но помечтать-то можно?

– Да, помечтать... – повторил Камински. Он сцепил руки на затылке и уставился в потолок. – Как думаешь, у нас получится?

Вячеслав Малина ответил не сразу.

Он понимал, что этот вопрос его старый друг и непосредственный начальник задал не от слабости или сомнений. Даже если они и были, Майк никогда бы не позволил себе их высказать. На то он и был капитаном. И спрашивал он не о том, удастся ли «Секрету» его миссия. Она должна была удалась, поскольку слишком много сил, средств, ума, сердца, терпения и самого настоящего героизма было в нее вложено тысячами людей на Марсе и Луне. В конце концов случись что-то непредвиденное с «Секретом» и его экипажем, вплоть до гибели, на верфях Лунограда был уже почти готов «Землянин» (две недели до начала ходовых испытаний по графику), корабль-дублер, предназначенный для того, чтобы подхватить эстафету. Нет, капитан спрашивал о том, получится ли у людей в ближайшие годы вернуться на Землю и снова сделать ее своим домом. Или же эта мечта перейдет по наследству к следующим поколениям.

За тридцать лет, прошедших после Катастрофы, население Марса увеличилось вдвое и достигло почти двенадцати тысяч человек. На Луне жило и работало больше двадцати тысяч. Итого в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова все человечество едва насчитывало тридцать две тысячи человек. Из них больше половины никогда не дышали воздухом Земли, не смотрели в ее

голубое небо, не бегали босиком по ее зеленой траве, не купались в реках, морях и океанах, а самое главное – не испытывали на себе воздействия земной гравитации.

Да, гравитация была главным препятствием в осуществлении этой мечты – вернуться на Землю. На Марсе сила тяжести в два и шестьдесят три сотых меньше земной. На Луне она меньше в шесть раз. Взрослый мужчина с массой тела восемьдесят килограммов весил на Марсе чуть больше тридцати килограмм, а на Луне и вовсе смешные тринадцать с хвостиком. И это – год за годом, десятилетие за десятилетием.

Никто не мог в точности сказать, как поведет себя организм даже родившегося на Земле колониста после того, как спустя тридцать лет снова окажется на родной планете. Не говоря уже о коренных марсианах и лунянах. Даже с учетом длительных специальных тренировок, мощных и эффективных медикаментозных средств и – слава науке! – наличия на «Секрете» гравигенераторов – гениального изобретения лунянина Игната Нефедова, воплощенного в металл и прошедшего испытания около одного марсианского года назад, без которого экспедиция на Землю вряд ли бы вообще состоялась.

Равно как без создания вакцины против смертельного антарктического Вируса, с немыслимой скоростью распространившегося по всей планете и выкосившего пять миллиардов человек за неполных два года. Не помогли ни медицина, ни океаны, ни горы, ни бункеры, ни жесточайшие карантинные меры, доходившие до безумных ядерных ударов по особо крупным очагам заражения.

Умерли все.

И только сотни тысяч и миллионы километров космического пространства стали тем барьером, преодолеть который оказалось древнему вирусу не под силу. То есть он бы и преодолел. Но колонисты Луны и Марса вовремя сообразили, что к чему, и наглухо закрыли космопорты для кораблей с Земли. Те несколько, что все-таки прилетели, были уничтожены без всякой жалости. Не сами корабли, понятно (в условиях катастрофической нехватки ресурсов это было бы преступной расточительностью), а только их экипажи и пассажиры.

Это было жуткое время. Время смерти и нелегкого, почти невозможного выбора. Трагедия планетолета «Надежда» до сих пор жила в сердце каждого лунянина.

Да и марсианина тоже.

В октябре 1987 года, когда на Земле оставалось в живых около полутора миллиардов человек, «Надежда» доставила на Луну двести двадцать восемь детей в возрасте от четырех до тринадцати лет, мальчиков и девочек, собранных Комитетом Спасения из разных регионов Земли (с ними было только пятеро взрослых: капитан корабля, пилот-навигатор, врач и двое воспитателей). Вопреки прямому запрету планетолет сел в двух километрах от Селенограда, что называется, в «чистом поле», имевшего в данном случае вид неглубокого и неширокого кратера, у которого даже имени собственного не было, только номер в каталоге. Экипаж, двое воспитателей и врач предоставляли неопровержимые доказательства того, что ни одного инфицированного человека на борту нет. Они умоляли по радио о помощи и милосердии.

Но не дождались ни первого, ни второго.

Пока созданный лишь два месяца назад одновременно с Лунной народной республикой (полное личных драм, трусости и героизма образование ЛНР, большая часть населения которой – граждане СССР, – тема для отдельного рассказа), лунный Конвент на срочном совещании думал, что же делать, а граждане-луняне, разделившись на два лагеря (пускать – не пускать), уже подыскивали тяжелые ухватистые предметы, чтобы применить их в туннелях Селенограда в качестве аргументов своей правоты, простой горный инженер по имени Мартин Дефендер (известная знаковость фамилии до сей поры вызывает массу дискуссий) решил все за всех.

Воспользовавшись своим допуском и раздолбайством охраны, он вывел из шахты советский горно-промышленный самоходный лазер «ГПСЛ-200» и не спеша отправился на нем к месту посадки «Надежды». К тому времени, когда охрана прочухала, что к чему, и подняла кипеж, было поздно. Отец двухгодовалых близнецов (мальчик и девочка), тридцатитрехлетний Дефендер остановил машину в десяти метрах от планетолета, направил лазер на жилой отсек и дал полную мощность импульса.

Обшивка корабля была вскрыта меньше чем за минуту, словно банка тушенки ножом бывалого солдата. Выжить не удалось никому. Когда прибыла вооруженная охрана и спасатели, проблема была решена окончательно и бесповоротно. Включая проблему самого Мартина Дефендера, который не мудрствуя лукаво вышел из кабины «ГПСЛ-200» наружу без скафандра.

Продemonстрировав таким образом полную солидарность со своими жертвами.

Записки или какого бы то ни было сообщения он не оставил.

Его жена не выдержала психологического давления, сошла с ума и в конце концов тоже покончила с собой в специализированной лечебнице. Дети были отданы на воспитание в приемную семью, но ни один из них не дожил до совершеннолетия. Девочка пропала без вести во время рядовой школьной экскурсии по дну ближайшего кратера. Ей было десять лет. А мальчик умер через год – не перенес банальной лунной лихорадки, которой болеют четверо из пяти лунян в возрасте от семи до пятнадцати лет.

Но самое интересное заключалось в том, что двое из пассажиров «Надежды» – один воспитатель и один ребенок – все-таки оказались носителями вируса. Это выяснилось при тщательном исследовании останков погибших и немедленно стало достоянием гласности. Ни жене Мартина Дефендера, ни его детям данный факт никак не помог. Однако те, кто однозначно и громогласно считал горного инженера чудовищным и безжалостным монстром в человеческом обличье (а таких было немало), прикусили языки.

Особенно после того, как микробиологи и специалисты по компьютерному прогнозированию в ярких красках набросали картину будущего, если бы луняне, поддавшись на мольбы и гарантии, впустили экипаж и пассажиров «Надежды» в Селеноград. При самых оптимистичных расчетах, девяносто пять процентов граждан Лунной республики умерли бы в течение первой же недели. Остальные пять имели некоторые шансы продержаться около года за счет жесточайшей изоляции и использования аварийных запасов воды, кислорода и пищи, но в конечном итоге без помощи извне погибли бы тоже. Каковой помощи, разумеется, поступить не могло.

Так что безымянный лунный кратер близ Селенограда получил предсказуемое название «Кратер погибшей надежды», на месте гибели двухсот тридцати трех землян и одного лунянина был установлен памятный крест из полированного титана, лунный драматург-самоучка Семен Незванный написал душещипательную пьесу «236», которая до сих пор идет на подмостках единственного любительского театра Селенограда, а в учебник истории колонизации Луны была вписана соответствующая глава.

Как бы то ни было, в результате всех этих трагических обстоятельств луняне стали обладателями штамма самого смертельного вируса за всю историю человечества. Он был настолько страшен, что даже не получил специального названия. Его так и называли Вирус – с заглавной буквы. «Еще сто двадцать миллионов человек скончались от Вируса за последний месяц» – подобные информационные сообщения были нередки в СМИ Земли в разгар Катастрофы.

Теперь этот Вирус оказался на Луне, был вовремя обнаружен и надежно изолирован, и перед гражданами Лунной республики встал естественный вопрос, что с ним делать. Посоветовались с марсианами. «А пришлите-ка его к нам», – предложили марсиане. «С чего бы это?» – спросили луняне. «У вас, ребята, классные инженеры, отлично развита горнодобывающая и металлургическая промышленность и вообще в вопросах изготовления и эксплуатации любых машин, механизмов и силовых установок вы собаку съели, – честно обосновали свою позицию жители Марсианской республики. – Это и понятно, поскольку лунные базы изначально задумывались как, в первую очередь, производственные, а уж во вторую – научные. У нас же на Марсе – наоборот. Как тут ни крути, а наши микробиологи имеют больше шансов на создание вакцины. Хотя бы потому, что их элементарно больше и опыт общения с вирусами и прочими микроорганизмами у них побогаче. Сами знаете, одних местных вирусов за последние десять лет они обнаружили несколько видов, и все пришлось тщательно изучить на предмет безопасности человека. Мы понимаем, что научные силы Земли не в пример круче наших, а им до сих пор не удалось создать вакцину. И вряд ли уже удастся, судя по всему. Так что давайте, шлите. Хуже не будет».

Следует заметить, что между лунянами и марсианами буквально с самого начала возникновения постоянных баз шло негласное соперничество. До открытых конфликтов – упаси, господи, не доходило, но негласных побед, поражений, уязвленного самолюбия или, наоборот, самолюбия удовлетворенного хватало с обеих сторон. Равно как соленых шуток с анекдотами, которые лунные и марсианские остроусловы не уставали придумывать друг о друге. Как бы то ни было, в данном случае аргументы марсиан жители Лунной республики сочли вескими, а их предложение весьма благородным. Штамм отправили на Марс с ближайшим кораблем.

И марсиане в конце концов сумели создать вакцину. Да, на это ушли невероятные усилия и двадцать восемь земных лет. Но теперь все члены экспедиции на «Секрете» были привиты. Как марсиане, так и луняне, которые

должны подняться на борт «Секрета» через два дня, по прибытии планетолета на космодром Селенограда.

Старпом покосился на капитана.

Майкл Камински, забросив руки за голову, а ноги на резервный пульт, по-прежнему пялился в потолок, по которому змеился хитрый узор силовых кабелей и коммуникаций.

– Не знаю, как тебе, – сказал Малина, – а мне до сих пор Земля снится. Хотя и наш Марс я очень люблю. Поэтому все получится. Должно получиться.

Каминский убрал ноги с пульта, сел ровно.

– И я так думаю, – заявил он. – Иначе и затевать все это не стоило. – После чего посмотрел на часы и добавил: – Иди отдыхай, Слава. Моя вахта.

Малина тоже глянул на часы, отстегнулся, встал с кресла и сладко потянулся.

– Старший помощник капитана Вячеслав Малина вахту сдал, – сообщил он. – Хотя ты забрал у меня целых три минуты.

– Капитан Майкл Камински вахту принял. – Капитан перебрался на его место и пристегнулся. – Будешь должен.

– Забудь. Отдашь, когда сможешь. Счастливой вахты.

– Спасибо.

Малина направился к выходу из рубки, на пороге остановился, обернулся.

– Кстати, ты обедал? – спросил он.

– Обедал.

– Что сегодня на первое? Забыл в меню глянуть.

– Гороховый суп, – с плохо скрываемой ненавистью буркнул капитан. – С копченостями. Ты издеваешься, да?

– Отлично! – потирая руки, воскликнул старпом. – Мой любимый.

И удалился, весьма довольный собой.

3

Удивительно, как быстро при необходимости просыпаются в человеке некогда приобретенные навыки.

Секунда, и я уже сидел за рулем.

Еще пять, и мой «УАЗ» «Патриот» задним ходом проворно скрылся из зоны прямой видимости.

Теперь можно спокойно разбираться.

Я поставил машину на ручник, заглушил двигатель и достал из бардачка восьмикратный Pentax (бинокль не из дешевых, но экономить на экипировке – не уважать себя и профессию). Затем чуть подумал, отодвинул сиденье и вытащил из специально оборудованного тайника «Викинг» в кобуре и запасную обойму. Проверил обойму, сунул пистолет сзади за ремень под куртку на манер простых американских киношных героев, не имеющих желания возиться с кобурой или самой кобуры, запасную обойму – в карман, вышел из машины и, чуть пригнувшись, двинулся обратно вверх.

Не доходя нескольких метров до вершины холма, остановился и с сомнением посмотрел на свои коричневые кожаные туфли. Еще и полугода нет, как приобрел. Красивые, удобные и офигительно дорогие. Очень мало приспособленные к тому, чтобы лазить в них по бездорожью. И ведь отчетливо помню, как вчера, собираясь в дорогу, я размышлял над тем, не надеть ли кроссовки. Не надел.

– Пижон ты, Воронин, – негромко произнес я вслух. – Теперь расплачивайся.

После чего сошел с дороги вправо и по колено, а где и по пояс в уже заметно пожухлой сентябрьской траве добрался до очень удачно расположенных зарослей боярышника, где и прилег.

Отсюда хорошо просматривался и блокпост, и шоссе, и город за ним. Достаточно хорошо для того, чтобы не быть замеченным самому.

В то, что я каким-то странным образом сбился с дороги и заблудился, я не верил. Этого быть не могло, потому что... просто не могло. Даже с учетом моего попадания в туман. Подумав, отбросил мысль и о мираже, хотя поначалу был уверен, что вижу именно его. Кто-нибудь наблюдал мираж в средней полосе России в сентябре да еще сразу после дождя и при затянутом облаками небе? Ладно, признаю, что не специалист, и готов согласиться, что теоретически такое возможно. Однако теоретически возможны, к примеру, и телепортация предметов и живых существ, и путешествия во времени и... Нет, думать об этом всерьез – верный способ дожидаться кардинального съезда крыши. А санитаров и тихой психиатрической лечебницы поблизости не наблюдается. Как, впрочем, и людей вообще. Пять минут я тут уже лежу, и ни одного человека в поле зрения. Ни одной машины на шоссе. И ни единого звука, характерного для людского присутствия в радиусе километра. Моторы не гудят, трамваи не звенят, далекая музыка не играет. Даже собаки не гавкают. Какая-то прямо-таки первозданная тишина. Но не мертвая, нет. Слышно, как ветерок шумит в ветвях и где-то посвистывает незнакомая птица. А с чего бы ей быть знакомой? Мы люди сугубо городские, в птицах особо не разбираемся. Ворона, голубь, воробей – вот наши спутники и знакомцы. Ну, орла, чайку, дятла и синицу, пожалуй, узнаю. Ласточку еще. Возможно, снегиря... Черт, хоть бы какой дымок от костра или из трубы показался! Нет, чисто все. Какие-то по виду явно промышленные трубы вдали виднеются, но дыма над ними нет. И вообще, ребята, сдается мне, что в этом городе никто не живет. Причем давно. Иначе почему я вижу в окуляры бинокля так много разбитых окон и отвалившейся от стен штукатурки? Целыми пластами отвалившейся. И с чего бы это на плоской крыше во-он того трехэтажного, явно административного здания росли молодые деревца? Не похоже, что их там посадили специально. А вот на то, что семена занесло туда ветром и никто не следит за крышей, похоже.

Я стал вспоминать, какие у нас есть брошенные города, кроме Припяти, не вспомнил ни одного. Но Припять на Украине, а я, если пока еще не сошел с ума,

нахожусь в России.

Или нет?

В смысле, я не в России или все-таки сошел с ума?

Проверить второе предположение я не мог никак. Разве что за руку себя ущипнуть, чтобы убедиться, что не сплю. Ущипнул. Не проснулся.

Город, который я сейчас разглядывал в бинокль, чем-то напоминал Припять. Никогда не был, но фотографии видел много раз. И там, и тут почти такие же пяти-, девяти- и двенадцатиэтажные жилые дома еще советской постройки – серый бетон и унылое чередование вертикальных и горизонтальных линий. Телевизионные антенны на крышах... Опаньки. А вот и облезлый от времени герб Советского Союза. Тоже на крыше. И рядом, по карнизу, крупными, некогда покрашенными в красный цвет, а ныне проржавевшими насквозь жестяными литерами выведено: «Вперед, к победе коммунизма!»

Семь два твою мать, как говаривал мой дед, заменяя буквы их порядковыми номерами в русском алфавите, чтобы не ругаться матом при внуке. Это что такое, вообще?

На первый труп я наткнулся метров за двадцать – двадцать пять перед блокпостом, в траве, сразу перед «колючкой». Собственно, это был не труп в привычном нашем понимании. Скелет в полуистлевшей одежде. Женский. Антрополог из меня, как воздушный змей из листового свинца, но вряд ли нормальный мужчина напялит на себя платье и туфли, а потом попрется в них по полю. Опять же остатки длинных рыжеватых волос на черепе и явно женская сумка, валяющаяся здесь же, явственно свидетельствовали о том, кому некогда принадлежали эти кости.

Зачем я не вернулся на дорогу, а пошел к блокпосту от зарослей боярышника прямо через поле, не жалея свои шикарные туфли? Надеялся увидеть нечто подобное? Поздравляю, увидел. Что дальше? Дальше неплохо бы понять, что здесь произошло много лет назад. Много, потому что все об этом говорит. Разбитые стекла, обвалившаяся штукатурка, деревья на крыше, советская символика, теперь вот этот скелет.

Получается что?

Женщина шла примерно оттуда, откуда пришел я сейчас. По бездорожью, от зарослей боярышника. Почему не по дороге? Без понятия. Может быть, знала, что по дороге точно не пройти, и попыталась в обход? Куцый обход какой-то, несерьезный. Тогда уж надо было вдоль опушки леса попробовать, метров на триста правее... Ладно, неважно. Может быть, она устала, отчаялась. Возможно, дело и вовсе было ночью. Дождливой. Пошла напрямик по полю, бог знает, на что понадеявшись. Не прокатило. Врубился прожектор на крыше блокпоста – вон до сих пор там торчит, хоть и давно разбит. И за сверкающими сплошными струями дождя пулеметчик разглядел испуганно замерший перед спиралью Бруно силуэт. Двадцать – двадцать пять метров. Не расстояние для пулемета. Короткая очередь, пронзительный крик страдания и боли, и все было кончено.

Я присел, осторожно, стараясь не касаться голых костей, не прикрытых остатками платья, приподнял и сдвинул в сторону останки, сквозь которые давно проросла трава. Хотелось найти пули и убедиться, что воображение меня не подвело. И я их нашел. Чуть позже. Четыре пули знакомого калибра 7,62 мм.

Но сначала под женским скелетом наткнулся на второй – скелет ребенка. Судя по коротким штанишкам и рубашонке, мальчик. Года два, не больше.

Меня прошиб пот. Значит, она шла и держала ребенка на руках. Возможно, утомившись, он спал, положив голову ей на плечо, уверенный, как все дети, что на руках у мамы с ним ничего плохого случиться не может. Господи, это кем же нужно быть, чтобы открыть огонь? Какой приказ получить? Перед каким выбором оказаться? Ладно, спокойно, сейчас это не важно. А что важно?

Я поднял сумку, открыл. Под сменой детской одежды наткнулся на простенький кошелек из кожзаменителя. Почему-то не особо удивился, обнаружив там синюю бумажную пятерку, светло-коричневый рубль и мелочь старыми советскими деньгами. Узнал их. Пару лет назад в доме родителей взял с книжной полки «Иосиф и его братья» Томаса Манна, и оттуда выпала древняя записка – четыре такие же пятерки и рубль. «Опа, – сказал папа. – Обед давно съели, а тут и ложка нашлась. Жаль, нельзя уже обменять, неплохие были деньги». Примечательно, что никто из родителей так и не признался, кто из них совершил этот долговременный вклад. Сослались на то, что память уже не та.

На этом процесс идентификации личности погибших закончился – ни паспорта, ни каких-либо других документов я не нашел. Бросил сумку, огляделся. Ничего не изменилось вокруг – тот же блокпост, заброшенное шоссе и город-призрак за ним. Ветерок и тишина.

Могилу я выкопал неглубокую – на два с половиной штыка. Земля была мягкой, податливой, но мне совершенно не хотелось долго возиться. Не говоря уже о том, что рытье могил – не то занятие, которое веселит мое сердце. Но и бросить эти останки валяться под открытым небом я не мог. Они и так пролежали здесь слишком долго. Заслужили покой.

«Ты всех, кто тебе попадется, собрался хоронить? – ехидно осведомился я сам у себя, пока ходил к машине за лопатой и рабочими перчатками. – Может быть, там, за шоссе, иссохшие трупы и скелеты в каждом доме?» И сам же себе ответил: «Нет, не всех. Но этих похоронить должен. Не знаю почему. Так надо».

Когда закончил, тучи окончательно разошлись и полуденное солнце красиво позолотило своими лучами связанный из двух палок, импровизированный крест.

– Господи, – сказал я, – помилуй души этой женщины и ее ребенка. Уверен, они ни в чем не виноваты перед Тобой.

Перекрестился, постоял над могилой, забросил лопату на плечо и пошел к машине. Хотелось есть.

У машины я помыл руки водой из десятилитровой канистры, которую всегда вожу с собой и стараюсь держать полной, потом сел за руль и съел три пирожка с мясом из шести, захваченных из кафе «У Армена». Запил той же водой и почувствовал себя если и не сытым, то вполне готовым к дальнейшим действиям. О том, что еды у меня почти нет, старался не думать. Смысл? Если человек сталкивается с тем, с чем уже столкнулся я, то откуда ему знать, что с ним может случиться через несколько часов? Дал Бог день, даст и пищу. О чем, кстати, неопровержимо свидетельствовали три оставшихся пирожка с мясом.

В помещении блокпоста, куда я на всякий случай спустился, вытащив пистолет из-за пояса (патрон в стволе, с предохранителя снят), оказалось пусто и, если не считать паутины по углам и мелкого мусора на бетонном полу, почти чисто. Сколоченный из досок стол, две табуретки, дощатые же двухэтажные нары для

отдыха дежурной смены. Ни стреляных гильз, ни пустой и ржавой консервной банки, ни закаменевшего окурка, ни постера с полуобнаженной девкой или на крайний случай какого-нибудь агитплаката на стене. Значит, уходили организованно, все убрали за собой.

Все, значит, убрали, а убитых женщину с ребенком бросили на растерзание диким зверям и воронам... Воины. Защитнички Родины. «Не осуждай раньше времени, – сказал я себе. – Ты понятия не имеешь, что здесь произошло, кто и при каких обстоятельствах убил женщину с ребенком. Ты даже не знаешь на самом деле, где находишься».

С последним я определился, когда выехал сначала на пустое, сто лет не отремонтированное, все в трещинах и выбоинах шоссе, а потом, буквально через сто метров, свернул на такую же дорогу, ведущую в город. «Добро пожаловать в Эйнштейн, – гласила едва различимая надпись на торчащем справа одиноком скособооченном дорожном щите, который, как мне показалось, вряд ли переживет наступающую зиму, – образцовый город советских тружеников науки!» И стилизованное изображение атома, расположенное над текстом.

Город Эйнштейн? Никогда не слышал о наукограде с таким названием. Дубну знаю. Обнинск. Королев. Новосибирск в конце концов с его академгородком и научной славой. Да что там о наукограде! Почему-то мне кажется, что и обычного городка с таким названием в России нет и никогда не было. Как плохо, однако, без Интернета, никакой возможности проверить информацию. Только память. Вот память-то как раз и подсказывает, что такого города нет. Ага, память подсказывает одно, а глаза видят совсем другое. Чему верить?

Верить приходилось глазам. Но то, что я видел, пока никак не разъясняло ситуацию. И даже еще больше ее запутывало.

То, что город брошен, и брошен, судя по всему, давно, мне было ясно, когда я еще осматривал его в бинокль. Другое дело, что мне не хотелось в это верить. Очень не хотелось. Настолько, что я всячески гнал эту упрямо возвращающуюся мысль, уговаривая себя, что данных пока мало.

Брошен или... вымер. Кладбище, раскинувшееся далеко вправо и влево от дороги сразу за дорожным щитом с названием города, невольно подтолкнуло меня к этой мысли.

Поначалу я не понял, что это кладбище. Пустырь и пустырь. Холмики какие-то, бурьяном да лебедой поросшие. Деревья кое-где. Затем мой взгляд за что-то зацепился, и я увидел православный могильный крест. Потом второй, третий...

Остановил машину, вышел. Присмотрелся. Точно – кладбище. Необычайно большое, это да. Может быть, и город большой? Откуда взяться большому городу на севере Калужской области, где я сейчас нахожусь? Во всей области от силы миллион населения, может, чуть больше. В Калуге, думаю, около трехсот тысяч. Значит, в неведомом мне наукограде Эйнштейне могло проживать тысяч сто народу. Много – сто пятьдесят. А кладбище такое, будто здесь целый город похоронили до последнего человека...

Я похолодел.

Стоп. Что, если так и есть?

Еще раз внимательно осмотрел гигантский погост. Даже достал бинокль. И заметил, что разные части кладбища сильно отличаются одна от другой. Вон там, слева, в отдалении, ближе к шоссе – явно старая часть. Не слишком обширная, между прочим. Словно остров, занимающий примерно пятую-шестую части озера. Поросла мощными липами да кленами, оградки видны, памятники со звездами. Все по-советски. А вот вне «острова» картина другая. Памятники с оградками попадаются, но гораздо реже. Ближе к городской застройке и вовсе никаких оградок не видать – сплошные православные кресты. Многие уже сгнили и упали, но некоторые продолжают стоять. Просто кресты, воткнутые в едва заметные, оплывшие от времени и непогод могильные холмики. Некоторые с табличками, но надписи на них давно съела коррозия. Некоторые же и вовсе без табличек, совсем покосившиеся, грубо и наспех сколоченные из досок, изначально явно для этого не предназначенных. И деревьев здесь меньше. Те же, что есть, гораздо моложе своих собратьев в старой части – и ниже, и тоньше.

То есть что мы наблюдаем?

Сначала людей нормально хоронили на городском кладбище, ставили на могилы советскиеobelisks, обносили оградками. Потом, когда количество умерших резко возросло, про оградки иobelisks забыли и вернулись к православному кресту. Я, конечно, не большой знаток советских обычаев, но, по-моему, людей должно было круто прижать, чтобы они массово обратились к вере предков.

Пожалуй, даже круче, чем в Великую Отечественную. Пойти, что ли, полазить между могилами, поискать даты смерти? Нет, ну его. Не хочу. Поищу другие источники информации.

Я сел в машину, тронулся и через пять минут въехал в город.

Ни единой души на улицах, где там и сям сквозь асфальт уже проросла трава, кусты и деревья.

Запущенные, давным-давно требующие ремонта жилые дома и здания.

Брошенные автомобили у обочин. Царапающие взгляд облезлой краской и ржавчиной, часто с разбитыми окнами и фарами, на спущенных, полусгнивших шинах «Жигули» различных модификаций, «Москвичи», «Волги» и «Запорожцы» выглядели так, словно их хозяева ушли и не вернулись лет двадцать пять назад. А то и все тридцать. Кроме легковушек, несколько раз мне попались и грузовики, тоже все советских марок – два «трудяги» «ЗИЛ-130», родственный им по дизайну и тоннажу «ГАЗ-53» и армейский «УРАЛ-375 Д» с кузовом под брезентовым тентом. В этот я не поленился заглянуть и тут же спрыгнул назад на тротуар. Машинально огляделся, перевел дух и заглянул снова.

Один, два, три, четыре.

Четыре скелета, на которых местами сохранилась иссохшая серо-коричневая кожа, облаченные в полусгнившее солдатское обмундирование образца семидесятых-восемидесятых годов прошлого века, вповалку лежали на полу. Сапоги были только на одном. Кирзовые, солдатские, порыжевшие и потрескавшиеся от времени и непогод.

В кузов я не полез, так и стоял на подножке, вцепившись в деревянный борт, замороженный открывшейся передо мной картиной.

Брезентовый тент во многих местах прохудился, и сквозь прорехи свободно проникали солнечные лучи, в которых красиво танцевали мириады пылинок. На черепе одного из скелетов каким-то чудом еще держалась пилотка. Тонкий солнечный луч, преодолев сто пятьдесят миллионов километров от Солнца до Земли, прошел сквозь атмосферу, нашел дыру в старом брезентовом тенте невесты когда брошенного армейского грузовика, проник в нее и засиял малым

чистым островком света на алой эмали пятиконечной солдатской звездочки. Зачем? Я склонялся к мысли, чтобы мне, Даниле Воронину (двадцать девять лет, гражданин России, холост, служил, не судим), было не так страшно. Потому что мне и впрямь было страшно. Не до такой степени, чтобы немедленно прыгать в машину и гнать из этого города мертвых куда подальше, пока при памяти и ветер без камней. Но уже близко. А этот луч как бы говорил мне: «Смотри, и в этом царстве смерти, безнадёги и зловещей тайны есть красота. Да, мимолетная, сюрреалистическая и даже жутковатая. Но все же – красота. А там, где есть красота, так или иначе продолжается и жизнь. Главное – не отчаиваться и не впадать в панику. Я же не отчаиваюсь. Делаю свое дело – несу тепло, свет, энергию. Тебя вот порадовал. И ты давай приободрись. Мертвые не страшны. Бояться нужно живых, тебе ли не знать».

Я знал, но полностью согласиться с лучом не торопился. Приободрить-то он меня приободрил, не без этого, однако, чем дольше я смотрел на мертвецов, тем больше разных мыслей по поводу их смерти появлялось в моей голове.

Два скелета лежали на полу в середине кузова. Еще два полусидели-полулежали, привалившись спинами к кабине, на пилотке того, что был от меня по левую руку, как раз и сияла в солнечном луче алая звездочка. Хотя, уже не сияла. Луч сместился и теперь падал на выцветший малиновый погон с одной широкой желтой поперечной лычкой и белыми буквами СА. Старший сержант. Советская армия. Внутренние войска.

Приплыли.

Теперь понятно, почему на них обмундирование, какое я видел только в кино.

Я все-таки пересилил себя и залез в кузов. Никуда не денешься. Хочешь понять, что происходит, боец, внимательно изучай обстановку, вникай в детали и думай. Так учил нас командир разведроты старший лейтенант Холод. Алексей Владимирович. И ни разу в жизни я не пожалел о его уроках.

Ни оружия рядом, ни документов в карманах. Вероятно, много лет назад живые позаботились о том, чтобы избавить мертвых от ненужных бумаг и вещей. Даже поясными ремнями не побрезговали... Хм. А может, это были губари? В смысле, военнослужащие, отправленные на гауптвахту? Довелось мне как-то пять суток по решению суда провести на гарнизонной гауптвахте (попался по большой

дурости милиции в самоволке), так, помнится, ремень у меня сразу отобрали. И на работу в комендатуру потом возили без ремня. Вернули по отбытии наказания. Поэтому ни оружия у них нет (откуда у арестантов оружие!), ни каких бы то ни было личных вещей, ни ремней. «Ага, – сказал я себе. – Везли их, значит, куда-то. На губу или с губы, на работы. Под конвоем, как положено. Конвой, понятно, вооруженный. И тут... что? Четверо губарей кинулись на конвой? А тот не растерялся и пустил в ход оружие. Расстрелял всех к такой-то матери. И ушел. Прихватив с собой водителя, который и вовсе не при делах. Ерунда какая-то. Воображение разыгралось. Какие губари, какой конвой? Может, все не так было. Просто ехали четверо солдатиков в кузове, а потом взяли и умерли... М-да, еще лучше. Прямо-таки гений дедукции вы, Данила Игоревич. Мыслитель, голова! Отчего умерли-то? А отчего люди умирают? Насильственная смерть, включая самоубийство, – это раз. Болезнь – два. Голод или жажда – три. Старость – четыре. И какая же причина здесь?

Я еще раз внимательно оглядел останки. Дырок в черепах вроде бы нет. Если их и застрелили, то не в голову. Умерли от какой-то болезни? Но почему здесь, в кузове армейского грузовика, а не в госпитале, например? То же самое относится к голоду. Голодный человек активно ищет еду, а не ждет смерти от истощения. Про жажду и вовсе смешно говорить, когда речка под боком.

Но самое главное – почему их не похоронили? Так же, как ту женщину с ребенком?

«Потому что некому было хоронить», – ответил я сам себе и похолодел. Уж больно этот ответ походил на правду.

«Не бросают люди мертвецов на улицах без крайней на то необходимости, – думал я, возвращаясь в машину и садясь за руль. – Даже если город был покинут его жителями в страшной спешке, в панике, когда некогда думать о похоронах, тут лишь бы себя и близких спасти, все равно выжившие потом вернулись бы и сделали то, что положено – похоронили мертвых. Вот на том кладбище при въезде и похоронили бы. Но они не вернулись. То есть получается, что и возвращаться было некому? Страшненькая мысль. Совсем страшненькая».

Чем больше я об этом думал, тем больше мне все это не нравилось. Гипотезы – одна фантастичнее другой – сменяли одна другую в моем воспаленном мозгу, подобно каналам на экране телевизора, когда уставший раздраженный человек раз за разом щелкает пультом в надежде наткнуться на картинку и звук,

которые хоть как-то бы его успокоили, дали расслабиться, принесли желанный отдых. Но этого не происходит.

Помнится, в детстве я иногда мечтал оказаться в таинственном заброшенном городе. Лежишь ночью в кровати и представляешь себе его безлюдные улицы и площади, пустые дома. Город абсолютно цел, вот только оставлен жителями неизвестно когда и неизвестно почему. Мне, юному бесстрашному исследователю, путешественнику и разведчику, предстоит это выяснить, разгадать все тайны, преодолеть массу смертельных опасностей, заодно найти и спасти из лап страшных врагов прекрасную девушку и вместе с ней триумфально вернуться домой. Следует признать, что до возвращения домой доходило редко – обычно я засыпал на этапе встречи с девушкой.

Не зря мудрые люди говорят, что мечтать надо аккуратнее, поскольку мечты могут и сбыться. Доказательство этому – прямо передо мной. Да что там передо мной, оно вокруг меня! Я просто в самом центре этого гребаного доказательства! И что, радуюсь тому, что мечта сбылась? Екает ли сладко мое сердце в предчувствии необычайных приключений? Черта с два. Самое насущное желание – убраться отсюда как можно дальше и оказаться вновь среди живых людей. Вот прямо сейчас. Не заходить в дома, не пытаться понять, что здесь произошло, а просто взять и убраться. Благо бак почти полон (я заправился утром, перед съездом на грунтовку, как чувствовал), и у меня есть целых три вполне съедобных пирожка с мясом, фляжка с коньяком (неприкосновенный запас, всегда беру в дорогу), пистолет с двумя обоймами патронов к нему, канистра с водой и неизвестно что в недоставленной посылке клиенту. Кстати, неплохо бы посмотреть, что там действительно. Ибо есть крепкое подозрение, что не будет уже посылка доставлена. Ох, не будет. Извините, у нас форс-мажор. И, возможно, не только у нас. У всех.

4

«Меня зовут Шадрин Иван Гордеевич. Мне шестьдесят два года, и я по-прежнему существую».

Эти слова (менялся только возраст), проснувшись, он мысленно произносил каждое утро на протяжении последних без малого тридцати лет. С тех самых

пор, когда после взрыва, разнесшего к чертовой матери все его прошлое, настоящее и будущее, Иван обнаружил себя и Леню Максимчука в зимней дальневосточной тайге практически без средств выживания. А уж потом, когда выжить все-таки удалось, понял, что в этом мире их как бы не существует. Во всяком случае, официально. И, что было особенно трудно осознать, никогда не существовало. Леня был ранен. Один из обломков ракеты, которые огненными метеорами падали вокруг и, остывая, бессильно шипели в снегу, почти нашел возможность прервать молодую жизнь капитана госбезопасности Леонида Святославовича Максимчука, и, если бы тот, убегая, вовремя не споткнулся о невидимую под снегом валежину, тем самым отклонившись на несколько сантиметров от смертельной траектории, сегодня Ивану не пришлось бы свидеться со старым товарищем.

Такие встречи были у них регулярными и даже вроде бы ритуальными.

Когда-то, в самом начале новой жизни в изменившемся мире, Иван и Леонид виделись чуть ли не каждую неделю. Это было необходимо обоим. Хотя бы для того, чтобы напомнить друг другу о том, что все с ними произошедшее и происходящее не плод больного воображения, а самая что ни на есть натуральная реальность. Пусть уже и не та, в которой они родились и прожили первую часть своей жизни. Иван – тридцать три года, а Леонид – двадцать девять лет. Именно в этом возрасте Родина, партия и родная Контора доверили им миссию, важнее которой вряд ли выпадало на долю кого бы то ни было за всю историю человечества. Разве что Христу, но Иван Гордеевич, хоть и был атеистом еще советского разлива, всегда понимал, что подобное сравнение неуместно.

– Проснулся? – дверь отворилась, и в спальню заглянула жена Лида. – Вставай, а то мне скоро убегать. Придется тогда самому завтракать.

– Куда это? – спросил Иван Гордеевич, потягиваясь. – Суббота же сегодня.

– Я тебе еще вчера говорила. Мы с Галкой на выставку идем, в Пушкинский. С утра надо, а то потом очередь набежит – замаешься стоять.

– А, – вспомнил Иван Гордеевич. – Экспрессионисты. Не люблю.

– И об этом мы вчера тоже говорили, – усмехнулась жена. – Давай вставай. Реалист.

И закрыла дверь.

Вовремя закрыла. Иначе наверняка заметила бы, как изменилось его лицо. На короткий, почти неуловимый миг (навыки владения собой, полученные на службе в КГБ, оставались с человеком на всю жизнь), но все же достаточный для жены, прожившей с мужем двадцать восемь лет. Ерунда, конечно. Спроси Лида заботливо, что случилось, он бы искусно сделал вид, что не знает, о чем она говорит. А она бы сделала вид, что ему поверила. Так и ходили бы каждый со своим видом до вечера. И потом все равно пришлось бы выдумывать по-настоящему правдоподобную версию. К примеру, что слово «реалист» неожиданно вызвало у него неприятную ассоциацию (и это чистая правда!). Только вот в связи с чем... Ага! Что-нибудь про давным-давно позабытую вражду между реалистами и гимназистами – учениками дореволюционных реальных училищ и гимназий, описанную еще у Вениамина Каверина в «Двух капитанах». Или это было у Валентина Катаева в «Хуторке в степи»? Неважно. Лида поймет. Она, в данном контексте, со своим филологическим образованием выступает, ясное дело, как гимназистка. Почти дворянка, можно сказать. Невольно указавшая мужу на его рабоче-крестьянское происхождение. Хе-хе. Пусть вспомнит, что ее муж тоже временами бывает весьма тонкой и впечатлительной натурой. Особенно с утра и до завтрака. В любом случае узнать истинную причину его реакции на «реалиста» Лида не должна. Ни при каких обстоятельствах.

Тридцать лет назад им с Леней Максимчуком пришлось выдумать себе прошлое. Да такое, чтобы ни у кого, включая коллег из Конторы, не возникло ни малейших сомнений в его истинности. Да, поработали они как следует, вспомнили и применили на практике все, чему их так тщательно учили в Высшей школе КГБ имени Ф. Э. Дзержинского. Особенно много пришлось повозиться со шлифовкой мелочей, на которых чаще всего и палятся агенты. Ничего, соорудили в конце концов две шикарные крепкие легенды, подтвержденные безупречными документами, и начали новую жизнь. Ну ладно, почти безупречными. Но обо всем этом, как выяснилось, не стоило особо беспокоиться. Через четыре года грянул 1991-й, «великий и нерушимый» Советский Союз развалился, словно детский замок из кубиков, на который случайно наступила нога нетрезвого отца, и всем на все стало наплевать. А потом появились новые документы, абсолютно подлинные, потому что хотя и делались на основе поддельных, но выдавались

уже официальными органами власти, а соответствующие данные раз и навсегда заносились в официальные же базы данных. А значит, имели полную и настоящую силу – не подкопаешься.

Как бы то ни было, никто в этом мире, кроме Лени Максимчука, не был знаком с истинной биографией Ивана Гордеевича Шадрина. Включая любимую жену Лиду и не менее любимую, хотя и без меры своенравную дочь Олю. И хорошо, что не был. Потому что, вздумай они с Леной рассказать кому-нибудь о том, как обстоят дела с их биографиями на самом деле, слыть бы им тронутыми умом чудаками до конца жизни. В лучшем случае. На Руси беззлобно и даже с симпатией относятся к тем, кто любит ради красного словца приврать, озвучить невероятную байку, прихвастнуть. Но совсем иное отношение к тем, кто пытается сочинить себе новую жизнь, убедить хорошо знающих тебя людей в том, что ты не тот, кто есть на самом деле, а какой-то другой, таинственный человек с таинственным прошлым (настолько таинственным, что о нем и поведать толком нельзя – сведения, мол, секретные). Проще говоря, не любят на Руси самозванцев. Очень не любят. Говорят, в стародавние времена, если человека уличали в подобном, то и пришибить до смерти могли. А не присваивай себе не свою жизнь, не носи личину, будь собой!

Так что фигурки вам, дорогие мои, а не правду. Личина давным-давно приросла и стала самой что ни на есть настоящей личностью. Не отодрать. Да и не надо.

Он поднялся, сходил в туалет и, обоняя доносящийся из кухни восхитительный запах жарящихся оладий, привычно поймал и тут же отверг мысль о том, не пропустить ли в честь субботнего дня зарядку. Эта соблазнительная мысль часто посещала его по выходным. Но Ивану Гордеевичу слишком хорошо было известно, какой никчемной, жалкой и смешной покажется она ему после серии физических упражнений и контрастного душа. Без ежеутренней зарядки невозможно чувствовать себя в форме. Особенно в его возрасте. И это чувство гораздо приятнее и, главное, долговечнее мимолетного и весьма сомнительного удовольствия от немотивированного потакания собственной лени.

Когда Иван Гордеевич в халате и тапочках вышел из душа, завтрак – оладьи со сметаной и медом и свежесваренный кофе в большой джезве – ждал его на столе, а жена Лида собиралась на выход. Он сел за стол, налил кофе в чашку, подумав, макнул оладью в сметану и откусил сразу половину. Прожевал, запил кофе, проглотил. Восхитительно. День начинается неплохо, дай бог и дальше так.

- А ты сегодня чем занят? – громко осведомилась Лида из прихожей.
- Поработаю, потом в город поеду. – Он доел первую оладью, взялся за вторую и на этот раз окунул ее в мед. – Надо кое с кем увидеться.
- Небось с Перепелицей твоим? Максимчуком?
- В десятку, – польстил жене Шадрин. – Каждый раз поражаюсь, как это у тебя выходит.
- Тоже мне, загадка. У тебя ж на лице все написано.
- Да, – с нарочитым сожалением вздохнул он. – Такова моя судьба – ничего от любимой жены скрыть невозможно.
- И это хорошо, – резюмировала Лида. – Целуй меня, я пошла. И много не пейте. А то знаю я вас.
- Мы, может, и вовсе пить не будем, – сказал он, подходя и целуя жену в щеку. – Так, по кружке пива.
- Ну-ну. Знаю я ваше «по кружке». Ладно, позвоню, когда из музея выйду.
- Буду ждать.

Лида выскользнула за дверь, и Шадрин остался в доме один. Сел продолжать завтрак, включил телевизор. Шли последние новости. Ведущий – молодой, симпатичный, но без ярко выраженной индивидуальности парень, глядя как будто в глаза зрителю, а на самом деле читая невидимый зрителю текст, заканчивал фразу:

- ...кадры, снятые с вертолета телевизионной группы.

На экране возникла горная дорога. По ней гигантской змеей растянулось тело шоссейной велогонки – десятки спортсменов, с энтузиазмом, достойным лучшего применения, налегающие на педали своих машин. Гонщики, идущие в голове,

скрылись за поворотом, и вертолет переместился дальше и правее, чтобы камера видела все. Она и увидела. Почти сразу за поворотом дорога вгрызалась в тело горы широкой петлей. Левая часть этой петли шла на спуск, правая – на подъем. А ровно посередине лежало облако плотного, похожего на шапку пивной пены тумана.

«Весьма необычное природное явление, учитывая ясный солнечный день. Хотя почему необычное? Ракурс необычный, это верно. Но вспомни, ты и сам не раз видел, как в такой же ясный солнечный день облака ползут по склонам гор. В тех же Карпатах, к примеру...»

Додумать мысль он не успел – голова гонки, набрав скорость на спуске, нырнула в облако и пропала из виду. Следом за ней в облако стремительно втягивались и остальные, идущие плотно друг за другом. Втягивались и тоже пропадали в тумане.

Секунда, вторая, третья...

Иван Гордеевич поймал себя на том, что, замерев, следит за правым краем облака, в ожидании, когда оттуда выскочат первые велогонщики.

Седьмая, восьмая, девятая...

Они не выскакивали.

От всей гонки, исчезнувшей в облаке, остался лишь небольшой хвост из полутора-двух десятков велосипедистов... Все, уже и хвоста не осталось. И две машины сопровождения – туда же. Справа по-прежнему пусто. Однако. Куда они пропали?

«My God! Where are they?!» – громко и тревожно крикнул кто-то в эфире. И тут же третья машина сопровождения с полицейской мигалкой на крыше резко затормозила и остановилась перед самым облаком. Оператор дал самый крупный, насколько это возможно, план, и теперь было хорошо видно, как из машины быстро выходят двое полицейских и, держа руки на кобурах, готовые в любую секунду выхватить оружие, напряженно всматриваются в облако, о чем-то неслышно переговариваясь. Тут камера снова «отъехала» назад, показав всю ту же, на этот раз абсолютно пустую (не считая полицейской машины) дорогу и

оседлавшее ее облако, в котором только что на глазах у миллионов телезрителей бесследно исчезла целая велогонка.

На экране возник ведущий. Было заметно, что он изо всех сил пытается сохранить невозмутимость.

– По предварительным данным, это видео – не подделка, – сказал он. – В необычном тумане исчезли восемьдесят четыре спортсмена. Еще пятеро ушли в отрыв раньше, и с ними все в порядке. Обстоятельства происшествия выясняются. Следите за нашими новостями. До свидания.

Пошла реклама средства от запора.

Иван Гордеевич выключил телевизор, доел оладью, запил его последним глотком кофе из чашки, помыл посуду и направился в кабинет, намереваясь слегка поработать – до встречи со старым товарищем оставалось время. Но поработать не удалось. Как только Шадрин уселся за компьютер и собрался открыть рабочий файл с начатым новым романом, запел смартфон. Вызывающий номер был Ленин.

– НКВД на проводе, – сказал Иван Гордеевич в микрофон скучным голосом.

– Все шутишь, – буркнул в ответ Максимчук. – А мне вот не до шуток.

– Здравствуй, Леня. Что-то случилось?

Пауза. Только слышно, как звякнуло стекло о стекло и вроде бы что-то булькнуло.

– Эй, – поинтересовался Шадрин. – Ты там бухаешь, что ли? В такую рань и без меня?

– Нашел рань, – буркнул Максимчук. – Нормальные люди уже три часа работают. Слушай, у меня тут... Короче, ты можешь сейчас подъехать?

– Куда?

– На строительную площадку. Мы там котлован роём, под фундамент. Это в черте города.

Иван Гордеевич на секунду задумался. Леня Максимчук был не из тех, кто легко меняет планы в угоду собственному капризу. Если просит приехать, значит, случилось нечто серьезное, о чем он не хочет сообщать по телефону.

– Говори адрес, – сказал он и выключил компьютер.

Через час Иван Гордеевич вышел на станции метро «Войковская» и поднялся наверх. Леня уже ждал, неторопливо вышагивал взад-вперед в своей всегдашней манере – руки за спиной, дымящаяся сигаретка в углу рта, левый глаз прищурен.

Они пожали руки, коротко обнялись.

– Здравствуй, Гордеич, – сказал Леня. – Спасибо, что приехал. И хорошо, что без машины.

– Будний день – раз, встреча с тобой – два, – сказал Шадрин. – Какая может быть машина? Так что случилось-то?

По дороге к стройплощадке, занявшей чуть меньше десяти минут, старый товарищ Шадрин Леонид Святославович Максимчук, некогда капитан госбезопасности, а ныне пятидесятивосьмилетний гендиректор строительной фирмы, рассказал, что сегодня утром у него пропал экскаватор. И самосвал. Вместе с водителями.

– Прямо из котлована. Испарились.

– ?

– В котлован заехали, а обратно не выехали.

– Так. А при чем тут я? Может, тебе в полицию стоит обратиться?

– Гордеич, ты не понял. Они не сбежали на украденной технике. И не поехали на ней куда-нибудь бухать или по бабам. Они исчезли в прямом смысле слова. Растворились в воздухе. Точнее, в тумане.

– В каком еще тумане? – спросил машинально Шадрин, хотя уже догадался, в каком – перед внутренним взором мерцали недавно виденные кадры из новостей.

Рассказ Максимчука абсолютно совпадал с тем, что показывали по телевизору. Экскаватор и самосвал работали утром в котловане. Появился туман. Когда туман рассеялся, ни экскаватора, ни самосвала в котловане уже не было.

– Ты лично наблюдал этот туман? – спросил Шаповалов.

– Наблюдал.

– Как он выглядел? Плотный такой, белый, словно облако на землю опустилось?

– Ну да. Как... знаешь, как шапка пены на кружке с пивом. Только не облако это было. И не опустилось оно... Сразу появилось или сконденсировалось, не знаю. Я с документами возился, а когда в окно посмотрел, котлован уже был этим туманом заполнен. Сначала не понял, думал, дым, горит что-то. Выскочил, принохиваюсь – нет, гарью не пахнет, и огня не видно. И потом – что это за дым, если он тяжелее воздуха, не поднимается вверх? Нет, думаю, не дым – газ. Что за газ, откуда, почему?! Неужели зацепили какую-то сраную коммуникацию? Пытаюсь быстро вспомнить подходящий случаю газ белого цвета и тяжелее воздуха – не могу. Один хлор в голову лезет. Но тот не чисто белый, зеленоватый. Вроде. К тому же смертельная отравка с характерным запахом. А тут ничем таким опасным или даже подозрительным не пахнет. И вообще, откуда тут хлору или подобной гадости взяться? Неоткуда. Главное, нет никого на стройке, кроме меня и этих двоих в котловане, прораб с главным инженером в управление с утра поехали, ночной сторож дрыхнет после дежурства. Что делать? Сунулся было сгоряча вниз, в туман этот, да вовремя одумался. Нет, думаю, подожду немного, погляжу, что к чему. Как в воду смотрел.

– Молодец, что не сунулся. Хвалю.

Максимчук дернул щекой. С одной стороны, похвала Шаповалова, который некогда был старше его по званию, а по возрасту оставался старшим навсегда, была ему приятна. С другой – бесследно пропали люди. И в свете этого печального обстоятельства Ленин поступок можно было оценить как проявление разумной осторожности. Которая, как считается, от трусости недалеко ушла.

– Страшно было? – словно прочитав мысли товарища, просто спросил Шаповалов.

– Не страшнее, чем тридцать лет назад, – буркнул Максимчук.

– Двадцать девять.

– Задолбал.

– Бывает. Надеюсь, ты догадался это явление природы на камеру заснять?

– Обижаешь. – Леня похлопал себя по груди, где во внутреннем кармане пиджака лежал смартфон.

Они свернули за угол и через ворота прошли на территорию стройки. Обогнув штабель бетонных блоков и кучу песка, подошли к краю котлована, заглянули вниз. Отсюда, с высоты примерно четыре с половиной – пять метров, отлично просматривался весь котлован – гигантская прямоугольная яма в земле, вырытая стальными челюстями экскаватора. Пусто. Только следы от гусениц и шин на развороченном суглинке, камни да одинокая пустая банка из-под пива, валяющаяся у самой стены почти точно под ними.

– Была она здесь до того, как все случилось, не помнишь? – спросил Шадрин.

– Что?

– Банка. Пивная. Вон валяется.

– Издеваешься? – с горечью осведомился Максимчук. – Не помню. Даже если и не было, что это тебе даст, Шерлок? При чем здесь какая-то банка? Джинн из нее появился, который экскаватор с пятитонным самосвалом и двумя машинами куда-нибудь в древнюю Аравию захерачил?

– Извини, – сказал Шаповалов. – Уже и спросить нельзя. Хотя насчет джинна мысль интересная.

– Не знаю, что делать, – сказал Леня. – Веришь? Полная растерянность. Даже тогда, двадцать девять лет назад, такого не было.

– Тогда мы знали, на что идем и чем это закончится.

– Ну уж прямо и знали!

– До известной степени. А где не знали, там надеялись. И надежды наши оправдались, человечество выжило.

– Человечество-то выжило, да только наша родина медным тазом накрылась, – вздохнул Максимчук.

– Что делать. За все нужно платить. Россия цела, и то хорошо.

– А Луна? – агрессивно осведомился Леня. – А Марс? Где наши колонии, а? Променяли космос и мощь страны на причиндалы с электронными чипами! Айфончики, телефончики, планшетики, эсэмэски, ответ на любой вопрос. Преимущественно о том, что, где и почему продается. Потому что другие нам уже не интересны. Еще порнуха, понятное дело, куда ж без нее? И котики, котики, сплошные котики в соцсетях. И все ради чего? Ради дешевого шмотья и жратвы? Ради возможности бездумно развлекаться, не выходя из дома? Тоже мне, путь развития. – Он достал сигареты, нервно закурил. – Знаешь, о чем я думаю иногда?

– Ну?

– Не нужно нам было ничего делать. Пусть бы все шло как шло. Так честнее.

– Кому нужна честность, ради которой должно погибнуть человечество? – возразил Шадрин. – Человек – мера всех вещей. Нет человека – нет ни меры честности, ни самой честности.

– Тоже мне, Протагор нашелся, – фыркнул Максимчук.

– И тем не менее.

– Не верю я, что все погибли. Оставались колонии на Луне и Марсе. Да и на Земле мог кто-то выжить. Они бы начали все сначала.

– Может быть, так и случилось, – примирительно произнес Иван Гордеевич.

– В смысле?

– Помнишь Изю Френкеля?

– Еще бы. Этого психованного еврея захочешь, не забудешь.

– Гениального психованного еврея, – добавил Шадрин.

– Пусть гениального. Но все равно еврея.

Шадрин усмехнулся. Мелкий бытовой антисемитизм Максимчука его всегда забавлял.

– Вспомни, что он говорил. Новая Реальность не уничтожает старую. Она возникает и развивается сама по себе. Так, словно была всегда... – Он замолчал на полуслове, уставившись в котлован невидящим взглядом.

– Эй! – позвал Леня. – Гордей! Товарищ майор! Алло!

Шадрин повернул к нему побледневшее лицо.

– Леня... – проронил он хрипло.

– Что?

– Френкель говорил о том, что при определенных условиях разошедшиеся Реальности могут сближаться и проникать одна в другую. Помнишь?

– Помню, ясен месяц. Да мы сто раз с тобой об этом... Погоди. Ты думаешь... Не может быть, тридцать лет все было спокойно!

– Двадцать девять. Но какое это имеет значение? Просто не возникало подходящих условий.

– А теперь, значит, появились?

– Хрен его знает. Я не ученый. Я бывший майор Комитета государственной безопасности, а ныне писатель-фантаст. Но почему бы и нет?

И он коротко рассказал о новостном сюжете про исчезнувших в тумане велосипедистов, который видел по телевизору.

– И тут же у тебя пропадают люди и техника! В точно таком же тумане. Примерно в одно и то же время. Это не может быть совпадением.

Они помолчали. Было слышно, как за невысоким забором привычно шумит Москва.

– Если это так, то я даже представить себе не могу, чем все может закончиться, – ослабевшим голосом проговорил Леня. – Там же вирусня на свободе гуляет. Та самая.

Они переглянулись.

– Не пугай, Перепелица, – сказал Шадрин. – И потом, кто только что сказал, что не нужно было ничего делать и пусть бы все шло как шло?

– Я же умозрительно! Чисто теоретически!

– Теоретически он... Ладно, я необязательно прав. Возможно, все объясняется гораздо проще. Что нам нужно в первую очередь?

– Информация. Как всегда. Пошли, у меня в машине планшет, вайфай здесь есть. Пошаримся по Интернету. Поищем совпадения.

– С одним условием, – скучным голосом произнес Иван Гордеевич.

– Каким? – настороженно осведомился Леня.

– На котиков и сиськи не отвлекаться.

– Тьфу на тебя! – фыркнул Максимчук и, не выдержав, засмеялся. Хотя им обоим было совсем не до смеха.

5

Никуда я, конечно, не убрался. Сел в машину и для начала решил проехать город из конца в конец и обратно по разным маршрутам. Уже было совершенно понятно, что много лет назад здесь произошла некая катастрофа с большими человеческими жертвами. Но какого рода катастрофа? Это важно было выяснить. Хотя выбор последующих решений был у меня невелик в любом случае: или оставаться ночевать в Эйнштейне, или уезжать из него.

На относительно целый газетный киоск я наткнулся буквально через триста метров, за первым поворотом, напротив запущенного сквера с высохшим фонтаном. Причем чуть было не проехал мимо, скользнув взглядом по едва различимой надписи сверху: «Союзпечать». Можно понять – газет и журналов на бумаге я не покупаю, а киоски с такими же надписями видел последний раз в далеком детстве. Однако в последний момент, когда киоск уже остался позади, что-то все-таки щелкнуло у меня в голове, и я остановил машину. Вышел, настороженно огляделся и направился через дорогу к киоску.

Некогда он был выкрашен синей краской, но теперь краска выгорела, местами облезла, и в пролысинах виднелась обычная неламинированная древесно-стружечная плита. Я обошел киоск сзади, потянул на себя фанерную, болтающуюся на одной петле дверь. Пусто. Мелкий мусор на полу, паутина по углам, колченогий стул, готовый, кажется, развалиться от одного моего взгляда.

А это что?

Наклонившись, я заметил под прилавком край пожелтевшей от времени газеты. Осторожно, чтобы не рассыпалась, вытащил газету на свет божий, аккуратно сдул пыль с первой полосы. «Правда», орган Центрального Комитета КПСС. Сверху девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И дата – 19 августа 1987 года, среда. Цена 3 коп. Однако.

Внутри киоска я чувствовал себя неуютно – его ветхие дээспэшные стены не давали никакой защиты, но при этом намертво перекрывали обзор. Поэтому вышел наружу и, время от времени оглядываясь по сторонам, бегло проглядел газету.

На первой полосе крупно, на всю ширину, шел заголовок: «К Коммунистической партии Советского Союза, советскому народу и всему прогрессивному человечеству! Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза. Ниже обычным петитом набрано: «Товарищи! Братья и сестры! Друзья! В эту тяжелую годину, когда страшная болезнь, унесшая сотни и сотни миллионов жизней, угрожает существованию самой нашей цивилизации, как никогда важно оставить прежние раздоры между странами, правительствами и политическими партиями и сплотиться перед лицом общей беды...»

Это было зрелище, достойное виртуальной кисти какого-нибудь модного компьютерного художника-постапокалиптика: посреди мертвого города, прислонившись плечом к киоску «Сюзпечать», стоит молодой мужик с пистолетом за поясом и внимательно читает старую газету. И ни одной живой души вокруг.

Но об этом я подумал потом. А сначала, по мере чтения, мне становилось ясно лишь одно: я уже ничего не понимаю. Судя по информации, которую я получил из газеты, в мае 1986 года усилиями советских, а затем норвежских бурильщиков из-под толщи антарктического льда вырвался древний смертельный вирус. К 19 августа 1987 года – дате выхода этого номера, в живых на Земле оставалось по приблизительным данным около двух миллиардов человек. Из пяти, что населяли планету до Катастрофы (именно так, с заглавной буквы была названа пандемия доселе неведомой болезни, от которой не было спасения). Это без учета поселений на Луне и Марсе, насчитывающих несколько тысяч колонистов.

Вот эти сведения и вызывали у меня полный разрыв шаблона. Какой еще, на фиг, смертельный вирус? Какая Катастрофа? Какие колонии на Луне и Марсе? В моем мире чаще всего умирают от сердечно-сосудистых заболеваний, вызванных нездоровым образом жизни, и от рака. А на Луну последний раз летали американцы, если мне не изменяет память, в начале семидесятых годов прошлого века. Катастрофой же с большой буквы иногда называют холокост – целенаправленное уничтожение немцами евреев во время Второй мировой войны. Шесть миллионов евреев, кажется, были уничтожены. Жуткая цифра. Но все равно не идущая ни в какое сравнение с тем количеством жертв, о котором писала «Правда». Хотя, конечно, между убитыми по национальному признаку и умершими от вируса есть разница и немалая... Стоп, не о том думаю.

Что получается?

Одно из двух: либо я стал невольной жертвой грандиозной фальсификации, затеянной кем-то с неведомой мне целью, либо вокруг меня и впрямь мир, в котором люди вымерли от пандемии смертельной болезни. Но предварительно успели основать колонии на Луне и Марсе.

И какую же версию мне принять (версия, где я сошел с ума и стал жертвой собственного больного воображения, была отвергнута сразу, по причине ее упадничества и полной неконструктивности)? Будем честны. Первая мне нравится больше – не такая страшная. Но более похожа на правду именно вторая. Значит, из нее и нужно исходить. Скорее всего, было так. В силу каких-то неизвестных факторов на дороге, по которой я ехал, образовался некий портал в другой мир. Присутствие одного портала было весьма явно обозначено шапкой белого плотного тумана, куда я по собственной дурости и въехал, подвергшись затем натуральной massированной атаке грозových атмосферных разрядов в виде молний. После чего оказался в похожем на мой, но совершенно ином мире. Каковой теперь мне и надлежит исследовать, дабы понять, как здесь выжить и каким образом вернуться обратно. Потому что вы, как хотите, а я оставаться здесь долго не намерен. Уж больно неуютно.

«Да, выглядит это все как полный и окончательный бред сумасшедшего, – думал я, – но это нормально, так и должно быть. Параллельные миры встречались мне доныне лишь в фантастических романах и фильмах, а если фантазии писателей и сценаристов на глазах превращаются в реальность, то как, спрашивается, они должны выглядеть? Плевать, пусть выглядят как хотят. Думать нужно не об этом. Поменьше эмоций и побольше рации. Значит, первым делом нужно

подыскать безопасный ночлег и желательно что-нибудь пожрать. Потому что, чует мое радио вместе с эмоциями, не выбраться мне отсюда так быстро, как хотелось бы. Ох, не выбраться».

И тут же, словно Венера в ясном вечернем небе, зажглась и набрала яркости новая мысль: «Быстро не выбраться – это ладно. Все гораздо хуже. Потому что если это и впрямь мир, где человечество вымерло практически в одночасье от смертельного вируса, то где, спрашивается, гарантия, что этот долбаный антарктический древний микроорганизм до сих пор не притаился в местном воздухе и воде? Только и дожидаясь момента, как бы заполучить очередную жертву. То бишь меня любимого. Мало того, дорогой мой Данечка, нет никакой гарантии, что этот вирус уже в тебя не проник и не начал веселье. Если он сколько-то там тысяч, а то и миллионов лет подо льдами Антарктиды просидел и не сдох, то что ему каких-то тридцать лет на воле вольной?» Вот тут-то, когда я эту мысль осознал, мне стало по-настоящему тоскливо. «Хреново уже одно то, что нахожусь я тут с утра и дышу этим воздухом. Еще и скелеты разные осматривал, нудак на букву «М». По карманам жмуриков лазил, предположения строил. Шерлок Холмс, семь два твою мать. Да как только ты этот город Эйнштейн и брошенный блокпост в бинокль разглядел, надо было прыгать за руль, разворачиваться и гнать куда подальше. Ага. Куда подальше-то? Если то, что написано в газете, правда (а это подтверждают – ха-ха! – название газеты и мои собственные глаза), то спрятаться от вируса нельзя. Только в колониях на Луне и Марсе. И что теперь, на Луну лететь? Или на Марс? Хотя до Луны, конечно, ближе. Ну давайте, я готов. Где ракета? Черт, что же делать-то?..»

Прерывая ход моих совсем невеселых мыслей, с верхушки ближайшего дерева громко каркнула ворона и тут же снялась в полет, держа курс на запад, в сторону давно перевалившего за полдень солнца. За ней, тоже с карканьем, последовала вторая и третья. Я проводил летучих пираток глазами и насторожился. «Следите за птицами, – учил нас, помнится, старший лейтенант Холод. – Они опасность первыми видят и чувствуют. И соответственно реагируют».

Прислушался. Тихо, как было и прежде. Даже вороны, скрывшись из глаз, умолкли где-то вдали. Видать, сказали одна другой, что хотели. Еще бы знать, что именно... Только ветерок шелестит в начавшей желтеть листве да поскрипывает где-то едва слышно под тем же ветерком то ли открытая дверь, то ли оконная рама. Ну, или флюгер. Хотя откуда здесь флюгер? Город-то новый, построенный в чистом поле по воле партии и советского правительства с целью дальнейшего проникновения в тайны природы и во имя торжества советской

науки. Эк меня тащит. Ведь и не рос, кажется, при советской власти, а все нужные слова откуда-то сами выскакивают. Генетическая память, не иначе.

Вот они!

Я стоял спиной к машине, до которой было десятка полтора шагов, и смотрел прямо перед собой – в конец пустой улицы, пересекающей сквер по левую руку от меня. По ней были проложены трамвайные пути, на которых позади меня и моей машины застыл древний трамвай из двух вагонов красного цвета с разбитыми оконными стеклами. Газетный киоск находился по правую руку и чуть впереди.

Они появились из-за семиэтажного углового кирпичного здания, выходящего одной стороной на сквер, а другой на улицу с трамвайными путями. Легко и бесшумно, словно стая призраков.

Только были это не призраки, а самые что ни на есть реальные собаки. С дюжину особей. До них было метров семьдесят-восемьдесят, и расстояние быстро уменьшалось, так как стая, не раздумывая ни полмгновенья, направилась в мою сторону. Прямо по трамвайным путям.

Сам я не собачник, но собак не боюсь, никаких. Мне всегда удавалось находить с ними общий язык. За тем редким исключением, когда на меня натравливали их специально (бывало и такое). Но здесь был явно особый случай. Если верить газете и собственным глазам, люди в городе Эйнштейне, вероятнее всего, и во всем этом мире вымерли около трех десятилетий назад. Возможно, немногим меньше. Это, в свою очередь, означало, что стая собак, неторопливой трусцой приближающаяся сейчас ко мне, была не просто одичавшей – дикой изначально. С дикими же зверями мне серьезного дела иметь не приходилось, и я совершенно не знал, как себя с ними вести. Поэтому, не спуская глаз со стаи, я вытащил из-за пояса пистолет и, держа его дулом вверх у левого плеча (хотя я практически одинаково владею двумя руками, но предпочтение отдаю левой), пятась, отступил к машине. Расстояние между нами сократилось метров до пятидесяти, и теперь стало хорошо заметно, что собак и впрямь около дюжины. Все крупные – размером с восточноевропейскую овчарку и больше. Впереди неторопливо плыл вожак. Он был выше в холке и массивнее остальных. Его лобастая башка чем-то напоминала медвежью, короткая густая бурая шерсть с черными подпалинами лоснилась на солнце. От него так и веяло силой и здоровьем. И опасностью.

Он заметил, что я его вижу, но хода не сбавил. Только коротко повернул голову, словно что-то сказал или приказал членам стаи. Собаки тут же разделились на три равные группы. Первая, из четырех особей во главе с вожак, продолжала двигаться по прямой точно на меня. А вторая и третья взяли соответственно правее и левее, явно намереваясь подобраться с флангов. Все маневры совершались в полной тишине.

Эге, так дело не пойдет.

Я взвел курок. Дождавшись, когда между мной и вожак осталось примерно пятнадцать метров, поднял «викинг» и выстрелил в воздух.

Не знаю почему, но сразу стрелять в собак мне не хотелось. Они пока не сделали ничего плохого. К тому же было в них что-то неуловимо странное. Повторяю, я сугубо городской житель. Не охотник, не следопыт и даже не какой-нибудь экстремальный турист. С дикими животными сталкивался преимущественно в зоопарке и ничего не понимаю в их привычках и повадках. Но здесь, словно какое-то давным-давно похороненное в глубинах моего генома шестое чувство подсказало: «Не убивай. Только останови. Покажи, что ты сильный и не боишься». Я принял подсказку.

Выстрел грохнул как надо. Оглушительно, жестко и бескомпромиссно. Потянуло сгоревшим порохом. Девятимиллиметровая гильза, сверкая на солнце, прочертила в воздухе крутую дугу и покатила по асфальту. На этот раз не три, а, вероятно, все тридцать три вороны с возмущенным карканьем поднялись с крыши дома, расположенного за моей спиной. Но я не удостоил их взглядом – следил за вожак, по-прежнему держа «викинг» стволом вверх.

Вожак, резко замедляясь, пробежал еще несколько шагов, остановился и сел. Остальные немедленно последовали его примеру. Теперь нас разделяло не более десяти метров, и я заметил, какие у этих животных большие и умные глаза. Большие глаза на больших головах. Пожалуй, даже слишком больших. Или нет? Есть же собаки с особенно крупными головами. Сенбернары там или кавказские овчарки. Ньюфаундленды. Да у тех же бульдогов по отношению к телу голова – ого-го! Но здесь передо мной были явно не бульдоги. А также не сенбернары, ньюфаундленды или кавказские овчарки. Я совершенно не специалист, но уж в этих пределах породы различу. Пожалуй, это были все-таки дворняги, поскольку степень их похожести друг на друга была явно меньше

такой же степени у собак породистых. Но дворняги... э-э... облагороженные, что ли. В одних явно чувствовалась преобладающая кровь немецких овчарок, в других – ротвейлеров (особенно в очертаниях головы), в третьих, вероятно, лабрадоров, ретриверов или какой-то другой похожей породы. Как было уже сказано, все они обладали очень крупными по отношению к телу головами. Умные глаза. И внушительные пасти, в которых поблескивали крепкие белые клыки хищников, предназначенные отнюдь не для жевания травы и листьев.

– Сидеть! – выкрикнул я, постаравшись придать голосу максимум уверенности. – Молодцы, хорошие собачки.

Мне показалось, или собаки и впрямь быстро переглянулись, а на отдельных мордах появилось нечто вроде ухмылки?

Впрочем, вожак не ухмылялся. Он сидел в десятке метров передо мной и, чуть склонив массивную лобастую голову к правому плечу, казалось, внимательно изучал странное двуногое существо перед собой.

– Человек? – произнес кто-то, как мне показалось, за моей спиной. Ясно и отчетливо.

Я крутнулся на месте, выбросив перед собой руки (в левой пистолет, правая поддерживает левую).

Сердце гулко ухнуло в груди, в кровь выплеснулась доза адреналина, но тревога оказалась ложной. Позади меня не было ни единой живой души. Включая собачью или любую иную, если предположить, что души есть не только у человеческих существ. Одни вороны в небе. Я успел это заметить за те полсекунды, которые мне потребовались, чтобы сделать полный разворот на триста шестьдесят градусов и снова уставиться в глаза вожаку.

– Ты – человек? – снова прозвучал голос.

Вы сидите совершенно один в комнате при закрытых окнах, выключенном радио, телевизоре и компьютере и вдруг слышите, что вас кто-то то зовет. Явственно так. Или не зовет, а произносит некое слово. При этом вы совершенно точно знаете, что не только в комнате, но и в квартире никого нет. Знакомо? Со мной такое несколько раз случалось. Потом, проходя, узнал, что к шизофрении данный

эффект не имеет отношения – просто шуточки мозга. Ничего страшного, если не повторяется слишком часто.

Здесь же прозвучало два раза подряд. Да еще и с вопросительной интонацией. Правда, голос какой-то неопределенный, размытый, даже не понять – мужской или женский. Так что же, кажется он мне? Шуточки мозга? Возможно, даже мозга, уже зараженного вирусом? Неожиданно сами собой всплыли слова Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

И тут же в ответ:

– Не понимаю.

– Кто говорит? – Не выдержав, я задал вопрос вслух. Почему-то бросив взгляд в пустое небо.

– Я прямо перед тобой.

Я встретился глазами с вожакom стаи. Тот не отвел взгляд.

– Ты?

– Необязательно произносить звуки. Можно в голове. Мы услышим. Только не очень быстро.

Так, приехали. Вымерший город в параллельном и, скорее всего, тоже вымершем мире, где в сквере рядом с киоском «Союзпечать» я телепатически беседую с вожакom стаи диких собак. Санитары! На помощь!

– Город вымер и заброшен – это правда. Ты беседуешь с вожакom – это правда. Собаки – это неправда. Мы – не собаки. Тебе нужна помощь?

– Вы – не собаки? – Я по-прежнему произносил слова вслух, так было удобнее. Во всяком случае, пока не привыкну к другому способу общения.

Где-то на задворках сознания мелькнул вопрос альтер-эго о том, не слишком ли рано я признал факт наличия в своей нынешней жизни собак-телепатов, но я его отменил как несущественный и провокационный. Исходя из принятого мною ранее посыла, что я не сошел с ума, следовало достойно принимать действительность. И быстро реагировать на ее вызовы.

– Нет.

– А кто?

– Арг-кхины. Разумные.

– Арг-кхины? – Я постарался произнести правильно, хотя сочетание подряд согласных «г», «к» и «х» далось мне с трудом.

– Да. Разумные.

– Вы разумные, понятно. С неразумными я не смог бы говорить.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Что ты понял. Люди не понимали. Боялись.

– Какие люди? Разве здесь есть люди?

– Люди, которые были раньше. Теперь их нет.

– Вы помните людей?

– Помним. Знаем. Город построили люди. Люди умерли. Последние – двадцать восемь зим назад.

Однако. Они и считать умеют! Не собаки... Мутанты какие-то? Я попытался вспомнить аналоги из фантастической литературы. Шариков из «Собачьего

сердца» Булгакова? Не то, там собака превращается в человека. Кажется, у Саймака были разумные собаки в каком-то романе. «Город», что ли? Давно читал, плохо помню. Да, кажется, «Город». И еще головы братьев Стругацких. Разумные собаки с планеты Саракш. Хотя, помнится, тоже не совсем собаки. Пока самая близкая аналогия. За исключением того определяющего фактора, что головы – вымышленные разумные существа с вымышленной планеты. А я нахожусь в реальности, пусть и явно не своей. Можно, конечно, поспорить самому с собой, что есть реальность, но, боюсь, спор этот меня уведет в такие дебри, из которых без полкило коньяка не выбраться. А с полкило не вспомнить обратную дорогу. Что плохо – вдруг возвращаться придется? Ладно, продолжаем разговор, как предлагал живущий на крыше Карлсон. К слову, раз уж я твердо решил принимать эту реальность, неплохо бы познакомиться с милыми собач... простите, с арг-кхинами поближе.

– Как тебя зовут? – спросил я вожака. – У тебя есть имя? Меня зовут Данила.

– Тень Луны.

– Тебя зовут Тень Луны?

– Ты спросил – я ответил. Что непонятного?

– Извини. Красивое имя.

– А что значит Данила?

Упс. Так, спокойно, когда-то я этим сам интересовался, читал. Нужно просто вспомнить. Вот же чертова привычка – чуть что лезть в поисковик за ответом, чтоб ей... Есть, вспомнил. Даниил в переводе с древнееврейского означает «Бог мне судья». Ну, или что-то в этом роде.

– Очень необычное имя, – дипломатично заметил Тень Луны, вероятно, считавший мои мысли.

Интересно, он все мои мысли может читать?

– Не все. И не всегда, – тут же последовал ответ. – Только когда близко и ясно. Издалека – плохо. Иногда – невозможно.

Врет или правда?

– Мы всегда говорим правду, – сказал вожак. – Арг-кхины – не люди.

– Да уж вижу, что не люди. Извини за недоверие, но я вынужден быть осторожным.

– Осторожность никогда не помешает, – согласился Тень Луны.

Я улыбнулся. Очень уж по-человечески у него это вышло.

– Ты не ответил на вопрос, Данила, – продолжил вожак прямо в моей голове. – Тебе нужна помощь?

– Еще как нужна, дружище, – подумал я громко и ясно. – Еще как нужна. – После чего демонстративно отпустил курок, поставил «викинг» на предохранитель и засунул его обратно за пояс. – Мне нужна еда, – сказал я. – Еда, безопасный ночлег и ответы на вопросы.

– С едой и безопасным ночлегом можем помочь. Ответы... Ты задаешь вопрос, мы смотрим, есть ли у нас ответ. Если есть, мы его даем. Нет – нет.

Надо же, какие сговорчивые и дружелюбные существа эти арг-кхины. С чего бы, интересно? И чем мне придется заплатить за их помощь?

– Мы бываем разные. Ты стрелял в воздух, не проявил агрессии и страха. Ты не желаешь нам зла. Ты – первый человек, которого мы видим. Твоя плата – ответы на вопросы, которые зададим мы. Но есть и другие арг-кхины. Их – опасайся.

– Почему?

– Они считают, что люди – воплощенное зло мира. Их не должно быть. Гибель людей – величайшее благодеяние Того, Кто Видит.

– Ясно. Не все, значит, так радужно. Тот, Кто Видит – это ваш Бог?

– Бог один. Для всех.

– Хм. Логично. Значит, вы называете его Тот, Кто Видит?

– Зачем ты задаешь вопросы, на которые знаешь ответы?

Хороший... э-э... вопрос. Действительно, зачем?

– Привычка, извини.

– Странная привычка.

– Если вы впервые видите человека, то вам многое в нас, людях, покажется странным.

– Людях? Ты здесь не один?

– Здесь – один. Но там, откуда я пришел, людей много. Очень.

Тень Луны замолчал, и мне показалось, что он обменялся короткими мнениями со своими собратьями.

– Пойдем с нами, – наконец предложил он. – Мы будем есть и разговаривать. Задавать вопросы и получать ответы. Удобно и безопасно.

– Хорошо, – сказал я. – Благодарю за приглашение. Это далеко?

– Половину пути солнца до захода.

– На машине туда можно проехать? Машина – это средство для передвижения на колесах. Вы видите ее за моей спиной.

– Мы знаем, что такое машина. Можно. Но дорога в объезд, а мы пойдем напрямик. Я дам тебе провожатого. Он покажет дорогу.

– Договорились. Спасибо тебе, Тень Луны. Спасибо всем вам.

Я обошел машину кругом, сел за руль и открыл пассажирскую дверцу:

– Прошу садиться!

Из-за спины жоака выбежал и заскочил одним прыжком в машину черный, мускулистый и крепколапый арг-кхин. В нем явно чувствовалось преобладание ротвейлеровской крови. Уселся, покосился на меня темно-карим, почти черным глазом, облизнулся.

– Меня зовут Умирай Быстро, – раздалось в моей голове. – Поехали. Сначала прямо.

– Очень приятно, Данила.

Я завел двигатель и тронулся с места. Пока имена моих новых друзей мне нравились.

6

– Внимание всем! Сорок минут до начала снижения. Приготовиться занять места согласно посадочному расписанию! – голос капитана Майкла Камински из динамиков был предельно сух и официален.

– Сорок минут! – Соболиные брови Николь Герсамия, второго врача и биолога экспедиции, приподнялись, на алебастровый лоб легла нежная морщинка. – За это время можно влюбиться в мужчину и разочароваться в нем. Куда торопиться? Я кофе еще не допила.

– Влюбись в меня, – предложил второй навигатор Джереми Лонгфилд – рыжий, высокий, длиннорукий и длиннолицый марсианин с британскими корнями. – Обещаю не разочаровать.

– Обещать вы умеете, – согласилась Николь.

– Точно так же, как вы обобщать, – буркнул Джереми.

Он положил глаз на биологиню с самого момента знакомства, случившегося неделю назад на базе в Селенограде, где экипаж «Секрета» и члены экспедиции проходили окончательные тесты на психологическую совместимость. Проблема состояла в том, что не все из них знали друг друга лично и, если бы кто-то кому-то активно не понравился, пришлось бы произвести срочную замену.

– Джереми, друг мой, – вздохнула Николь. – Будем реалистами. Ты марсианин, а я лунянка. Твои предки – британцы. Мои – французы, грузины и русские. Ты христианин, я за малым не воинствующая атеистка. Но и это еще не все. Тебе сколько лет?

– Можно подумать, ты не знаешь. Тридцать пять.

– И ты рожден на Земле, так?

– Ну да. А что?

– Ничего. Просто мне двадцать восемь, и я рождена на Луне, уже после Катастрофы. Мы слишком разные, понимаешь?

– Нет, не понимаю, – покачал головой Джереми. – И вряд ли когда-нибудь пойму.

– Вот видишь! В этом-то и беда.

– Погоди, – подал голос старпом Малина, который всегда и во всем любил доходить до конца. – Я, понятное дело, не биолог и не врач, но что ты хочешь этим сказать – слишком разные? Прозвучало так, что мы чуть ли не разные биологические виды.

– Нет, разумеется. Но разница уже есть. Именно на биологическом уровне. К примеру, организм лунянина слабее физически, что и понятно, учитывая нашу и марсианскую гравитации. Но зато у нас быстрее реакция, выше скорость прохождения сигналов по нервам. Или взять эмоциональную сферу. Считается,

что среди марсиан больше романтиков и эмпатов, а луняне в целом чаще полагаются на ум, а не сердце. Хотя здесь, конечно, точные измерения провести невозможно. В любом случае условия жизни определяют наши биологические параметры, никуда не денешься. Закон приспособляемости никто не отменял. Так что с каждым поколением мы будем все больше отличаться друг от друга, пока и впрямь не станем разными, хотя и близкородственными видами.

– Если это и произойдет, то очень не скоро, – заметила историк и социолог Ирина Архипова. – Инерцию миллионов лет эволюции на Земле тоже просто так не отменить. Хочу также заметить, что никогда еще человечество не было столь едино, как сейчас. Несмотря на то, что разделяют нас десятки миллионов километров космического пространства.

– Еще бы, – усмехнулась Николь. – Жить захочешь – объединишься.

– Увы, – вздохнула Ирина. – Это не всегда срабатывает. Яркий пример – та же Катастрофа. Как мы знаем, даже перед лицом неминуемой гибели страны соцлагеря не объединились с капиталистическими. И наоборот.

– Предатели рода человеческого, – заявил Джереми. – Все-таки политика – абсолютное зло, кто бы что ни говорил. И главное, виноватых не найти, все умерли.

– Неважно, кто виноват, – сказала Ирина. – Важно, что делать.

– Это мы знаем! – бодро заметил старпом, поднимаясь с кресла. Гравигенераторы Нефедова работали в штатном режиме, и люди не испытывали неудобств с невесомостью.

– Что? – поинтересовалась Николь, делая глоток кофе и глядя на Малину поверх чашки.

– Отправляться по местам. Согласно посадочному расписанию. – Старпом посмотрел на часы. – Самое время. И побольше оптимизма, дамы и господа. Как бы то ни было, нас ждет родина.

Родина встретила их как смогла – внезапно возникшим на пути ММК «Секрет» мощным грозовым фронтом. Как раз в тот момент, когда до поверхности оставалось каких-то девятнадцать километров и «Секрет» снижался, выпустив крылья. По идее, никакая гроза не могла повредить кораблю, но Камински решил не рисковать. В конце концов он впервые в жизни садился на Землю и слишком хорошо знал разницу между опытом, полученным на тренажере, пусть и самом совершенном, и практикой. Поэтому направил «Секрет» в обход грозы и посадил корабль в ста тридцати километрах к западу от намеченной ранее точки. Посадил, впрочем, мастерски. Словно всю жизнь только этим и занимался.

– Высота – ноль, – доложил бортовой компьютер. – Скорость – ноль. Поздравляю, капитан!

Голос был сгенерирован с голоса некогда популярного американского киноактера Грегори Пека. Капитан «Секрета» не был фанатом Пека (хотя некоторые фильмы с его участием Камински нравились), но признавал, что выбор удачный – голос «бортача» совершенно не раздражал, а иногда даже казалось, что в нем звучат самые настоящие человеческие нотки. Корабельный первый врач на все руки и по совместительству психолог Стивен Новиков утверждал, что все это игры сознания и подсознания и на самом деле никаких «человеческих ноток» в искусственно сгенерированном голосе нет и быть не может. Но при этом был совершенно не против того, чтобы те, кто хочет, считали, что они есть. Стивен вообще был в этом смысле большим либералом. – Можете думать, что угодно, – говорил он, посмеиваясь, – главное, чтобы вы управляли своими мыслями, а не наоборот.

– А где граница, док? – спрашивали его. – Как это определить?

– Очень просто, – отвечал Новиков. – Все мы верим в существование корабельного, так?

Спрашивающий отводил глаза, не зная, как реагировать на провокационный вопрос. Корабельный считался близким родственником домового, но признаваться в том, что действительно веришь в его существование, было как-то не принято. Особенно корабельному психологу.

– Верим, верим, не будем лукавить, – пренебрежительно махал рукой Стив. – Но одно дело верить, а другое – видеть. Чувствуете разницу?

– Ага, – отвечали ему. – Чувствуем. То есть слуховая галлюцинация – это фигня, а вот ежели зрительная, то пора сдаваться в психушку?

– Знаете что, – вздохнул психолог, – забейте. Будем считать, что все мы обладаем исключительной психической устойчивостью. До тех пор, пока я не заподозрю обратное.

«Секрет» был построен из великолепных и уникальных по своему качеству материалов, звукоизоляция на высоте, но в рубке было слышно, как постепенно затихает гул мощных электромагнитов, задействованных в двигательной установке корабля, и сквозь него начинает пробиваться негромкое сухое потрескивание остывающей обшивки и едва слышное урчание гравигенераторов.

– Прибыли, – сказал Камински. – Всем спасибо. Отличная работа. Определяемся с точным местонахождением и начинаем высадку по плану.

– А что тут определяться? – подала голос первый навигатор лунянка Пейжи Нун. – Мы в России.

– Смешно, – проронил Камински.

– Особенно мне, – подтвердил Малина.

– Извините, – сказала Восхищенная Радугой Крестьянка (так в приблизительном переводе могли бы звучать имя и фамилия первого навигатора). – Я и правда хотела пошутить.

– Черт, Пейжи, ты не виновата. Это у меня с чувством юмора туго. Особенно после трудной посадки. Грозу видела?

– Все видели. Вы правильно сделали, капитан, что ее обошли. Еще раз извините. Мы находимся на территории бывшей Центральной России, на севере Калужской области, в пяти с половиной километрах к западу от советского наукограда Эйнштейна. До Калуги семьдесят два километра. До Москвы – в два раза больше, если по прямой. Ближайшая водная артерия – река Шаня, левый приток Угры.

– Стояние на Угре, – пробормотал Вячеслав Малина. – Всегда мечтал побывать в этих местах.

– Какое такое стояние? – не понял Камински.

– Долго рассказывать. Но если коротко, то русские на Угре избавились окончательно от татаро-монгольского ига. И научились применять диверсионные отряды в тылу врага.

– Понятно, – сказал капитан. – Ладно, Угра так Угра. Может, и к лучшему, передислоцироваться не будем.

– Шаня, – уточнила любящая точность первый навигатор. – До Угры отсюда пилить и пилить.

– Один хрен, – вздохнул Каминский, глядя на обзорный экран. – Как ты сказала в самом начале – мы в России? Начинаю понимать шутку.

На обзорном экране раскинулась карта России с услужливо обозначенной «бортачом» точкой посадки.

– Спасибо, – продолжил капитан. – Убрать карту, дать картинку с наружных камер.

«Бортач» немедленно выполнил команду. Присутствующие в рубке члены экипажа затихли. Из троих двое родились на Земле – командир Майкл Камински и старпом Вячеслав Малина. Для них, покинувших родную планету в детстве, но бережно сохранивших ее в воспоминаниях, открывшийся вид являл собой воплощенную мечту, сказку о потерянном и вновь обретенном рае, волшебный сон, ставший явью. Они еще не знали, смогут ли здесь жить снова, приспособятся ли их организмы к забытой гравитации, втроекратно превышающей привычную, к атмосфере, воде, биосфере. Но уже готовы были пожертвовать многим, чтобы это произошло.

Чуть иначе и с другим чувством смотрела на обзорный экран Пейжи Нун. Она родилась на Луне, где сила тяжести была в шесть раз слабее земной, и родная планета ее предков и всего человечества представлялась первому навигатору

очень красивым, желанным, но весьма опасным миром, готовым убить ее в любую минуту при малейшем отказе техники или утрате бдительности.

Собственно, весь экипаж «Секрета» и состав экспедиции делились на таких, как Каминский и Малина, и таких, как Пейжи Нун. В той или иной степени приближения. И надежда вновь вернуться на Землю жила, если можно так выразиться, на трех китах: упорных тренировках в условиях искусственно созданной земной гравитации (лунянам было гораздо труднее, чем марсианам, но они старались не отставать); надежной работе гравигенераторов, с помощью которых на «Секрете» и земной базе при необходимости легко воссоздавалась как марсианская, так и лунная сила тяжести; наследственность и пресловутые миллионы лет эволюции, прошедшие на Земле.

«Секрет», с огнем и ревом промчавшийся по небосклону, опираясь короткими самолетными крыльями на плотную земную атмосферу, затем сбросивший скорость, зависший над поверхностью и плавно опустившийся на землю, стоял (а скорее, лежал, учитывая горизонтальное положение длинного корпуса корабля относительно поверхности) посреди широкого луга. Восемь посадочных лап уверенно держали на себе многотонную тушу корабля. Гравигенераторы создавали внутри и вокруг «Секрета» поле пониженной, по отношению к земной, гравитации с ускорением свободного падения 5 метров в секунду за секунду. Достаточно комфортно для марсиан. Гораздо сложнее, но терпимо на первых порах для лунян.

О том, что так будет, последние знали с самого начала и приняли неизбежное стоически, поскольку альтернативой мог быть лишь отказ от участия в экспедиции. К чести граждан Лунной народной республики, ни один из отобранных кандидатов-добровольцев на это не пошел.

Ясный день начала сентября склонялся к вечеру. Корабль стоял посреди неширокого поля, заросшего буйной и высокой, но уже начавшей увядать травой. Под брюхом «Секрета» и в непосредственной близости растительность была выжжена плазменным огнем посадочных двигателей в пепел, но уже двумя десятками метров дальше луг выглядел практически нетронутым, а еще через десяток метров и вовсе девственным. Он слегка понижался от запада к востоку и с восточной стороны ограничивался поблескивающей среди прибрежных ив речкой. За речкой снова начиналось открытое пространство, на котором там и сям были разбросаны небольшие рощицы и группы деревьев, чья зеленая листва уже была тронута желтыми и оранжевыми мазками набирающей силу осени. С

западной стороны луг, ставший для «Секрета» посадочным полем, упирался в сплошную неровную стену леса, которая тянулась к северу и югу насколько хватало глаз.

– Красиво как, – тихо, почти шепотом промолвила Пейжи. – Надо же – лес. Настоящий. Глазами вижу, а не верю. И небо синее. И облака.

– И речка, – поддержал старпом. – Это, вероятно, Шаня? Бортач, к тебе вопрос. Прикинь по координатам.

– Докладываю, – бодро и в то же время солидно прозвучал в рубке голос Грегори Пека. – Вероятность того, что речка, протекающая к востоку от корабля, имеет название Шаня, составляет девяносто девять целых девяносто восемь сотых процента.

– Спасибо, – сказал Малина. – Ты очень любезен.

– Рад стараться, – откликнулся бортач, в последний апдейт которого программисты вложили столько таланта и умения, сколько смогли. Не забыли и толику юмора. – Напоминаю, что могу откликаться на имя Грегори.

– Молодой еще, – хмыкнул старпом. – Имя заслужить надо.

Бортач промолчал. Как показалось Малине, предусмотрительно.

– Удачно сели, – сказал капитан. – Луг достаточно обширный, чтобы построить на нем базу, и вода рядом.

– Ага, – оживился старпом. – Значит, начинаем высадку?

– Не терпится? – усмехнулся капитан.

– А чего тянуть? Мы дома. Наконец. Да и неплохо бы успеть хоть оглядеться и разметку сделать. Дело-то к вечеру.

– Можно подумать, тебе самому раствор мешать. Стройботы все сделают.

– А контроль? Я старпом или где? Случись что, ты первый спросишь. И с кого? С меня.

– Ладно, ладно, действуй. Только не забывай, что мне до темноты тоже хочется ступить своими ногами на землю.

– Это ты на инструкцию по высадке намекаешь? Так я не против. Давай ты первый ступишь, как положено капитану, потом поднимешься на борт, а следом уж мы со стройботами.

– Вот за что я тебя люблю, – сказал Камински, – так это за то, что ты добрый. Даром что русский.

– Робот-наблюдатель RL-18B, в просторечии именуемый «Летающий фингал», к запуску готов, – сухо доложил бортач. – Жду указаний.

– Запускай, – сказал Камински. – Кстати, о русских...

– Эй, – подала голос первый навигатор. – Может, хватит уже? Народ ждет.

– Это мы просто так волнение прячем, Пейжи, – успокоил китайянку капитан. – Не переживай.

– Я поняла, – сказала Пейжи Нун. Она давно откинула спинку кресла и теперь полулежала в нем в расслабленной позе. – Что же касается переживаний, то напоминаю: мы, луняне, весим сейчас почти в три раза больше обычного. Это, знаете ли, придает нашему существованию вообще и переживаниям в частности особую прелесть.

– Да, – сказал Камински. – Извини. Пошел облачаться в панцирь.

Упираясь руками в подлокотники, он поднялся с кресла и направился к выходу из рубки.

– Ни пуха, – напутствовал его Малина.

– К черту! – бросил через плечо капитан. Он хоть и не любил русских, но за свою жизнь многому от них научился.

Когда после создания вакцины человечество в лице жителей Луны и Марса приняло стратегическое решение о посылке на Землю длительной экспедиции, одной из основных целей которой должно было стать обустройство постоянной базы, остро встал вопрос экипировки, связанный с передвижением по планетематери.

Гравигенераторы Нефедова нейтрализовали убийственную для современных людей земную силу тяжести, давая возможность адаптироваться к ней в щадящем режиме. Но они были слишком громоздки, чтобы носить их с собой. К тому же энергию жрали что твоя свинья помой – только давай. И как, спрашивается, при таких обстоятельствах выйти за пределы корабля и базы? Ждать, когда наступит полная адаптация, нарастут мышцы и укрепятся кости? Но медики утверждали, что полная адаптация может наступить лишь у тех, кто был рожден на Земле. Да и то, скорее, теоретически. Коренные же марсиане и луняне (последние в особенности) могли рассчитывать в лучшем случае на адаптацию частичную, при которой им было бы необходимо возвращаться время от времени в условия пониженной силы тяжести. То есть на базу, корабль или в любое место, оборудованное гравигом. И только новые люди, рожденные и выросшие на Земле, могли рассчитывать на полную свободу передвижения, которой обладали их предки. При этом медики признавали, что не могут дать стопроцентно верных прогнозов относительно того, как поведет себя организм марсианина и лунянина (последнего в особенности) при длительном пребывании на Земле. В самом пессимистичном варианте ему, организму, ради сохранения жизнедеятельности пришлось бы срочно возвращаться домой. В самом оптимистичном данный организм активировал бы свои хитро припрятанные до поры до времени резервы и с их помощью прекрасно зажил бы на прежней родине. Хоть и не сразу.

По уму, прежде чем посылать экспедицию, следовало провести многолетние эксперименты и исследования, но времени на это не было. Те, кто родился на Земле, моложе не становились. А у коренных жителей колоний уже росли свои дети – второе поколение людей, никогда не видевших над головой голубого неба с облаками. «Мяу» сказать не успеешь, как вырастут и они, родят своих детей... и кто тогда даст гарантию, что в человеческом геноме не возникнут необратимые изменения, которые сделают возвращение на Землю невозможным? К тому же не так давно и на Луне, и на Марсе зародилось и

помаленьку начало набирать силу движение тех, кто и вовсе был против обратного переселения. Они называли себя по-английски defectors (беглецы, невозвращенцы), а по-русски «избавленцы» и мотивировали свой протест против возвращения на Землю в числе прочего и тем, что это проклятое место и ничего, кроме горя, человечество там не ждет. Но пока их было сравнительно немного, и влиять на принятие серьезных решений они не могли. Но это сегодня. А что будет завтра?

Как бы то ни было, инженерам и конструкторам поставили задачу в ударные сроки оснастить экспедицию чем-то, что способствовало бы передвижению людей по земле на своих двоих в условиях, когда и лежать-то тяжело, не то что ходить.

Почти сразу же возникла, а затем обрела воплощение в легчайшем и прочнейшем углерите старая идея экзоскелета, питаемого мощными аккумуляторами последнего поколения. Такие аккумуляторы, появившиеся совокупными стараниями марсианских и лунных инженеров около пяти лет назад, были способны при земной гравитации без подзарядки обеспечить передвижение человека в экзоскелете и с прочим снаряжением (общая масса порядка сто кг) на расстояние не менее ста двадцати километров, при средней скорости пять километров в час. Или совершение работы, соответствующей таким же энергозатратам. Сам экзоскелет не мудрствуя лукаво обозвали «Гризли-5» (по количеству модификаций, потребовавшихся для выработки окончательного инженерного решения), провели быстрые, но весьма полноценные лабораторные и полевые испытания и запустили в производство. Члены экспедиции оценили девайс по достоинству и немедленно переименовали его в «Мишку», несмотря на явное недовольство со стороны капитана Майкла Камински, который хорошо знал не только своих подчиненных, но и русский язык.

Впрочем, пока шутить на тему «Мишки в Мишке» никто не решался. Уж больно ответственный был момент: облаченный в экзоскелет «Гризли-5» капитан ММК «Секрет» Майкл Камински стоял возле шлюзовой камеры в сопровождении единственного и неповторимого боевого робота RFS-014 (robot fighting support) по кличке Рафусаил и вот-вот должен был ступить на родную землю.

– Открыть шлюз! – отдал голосовую команду Майкл.

С легким шипением разошлись створки. Капитан с Рафусаилом бок о бок зашли в шлюз. Через секунду, подчиняясь второй команде, открылся выход наружу. Оставалось спуститься по узкому пандусу и, наконец, сделать шаг по земле, но он не торопился. Капитан Майкл Камински был опытным астронавтом, не раз попадавшим в опасные передрыги, и он слишком хорошо знал, как часто близость цели влиwała в человека ровно то количество глупой и пьянящей беспечности, которого вполне хватало для того, чтобы хорошее дело закончилось плохо.

– Вперед, – сказал он Рафусаилу. – Осмотреться и доложить обстановку.

Рафусаил (более всего он напоминал закованного в броню сурового гнома из фэнтезийных книжек, только без бороды и с пулеметом на плече вместо боевого топора) шагнул на порог, осмотрелся, не торопясь спустился на землю, снова осмотрелся (голова робота свободно вращалась на триста шестьдесят градусов) и доложил:

– Опасности нет.

Через минуту Камински стоял по пояс в траве за пределами круга, выжженного посадочными двигателями «Секрета», щурился на заходящее солнце, дышал и не мог надышаться. Тридцати лет, проведенных на Марсе и в космосе, вечно за прочными и надежными стенами и оболочками, отгораживающими хрупкое человеческое тело от убийственной атмосферы, температур, давления, радиации, как не бывало. Он снова стоял на земле и дышал. Свободно, полной грудью, как и положено человеку. Ветер, несущий чуть горьковатый запах близящейся осени, казалось, имел и вкус. Майкл непроизвольно облизнулся. Хотелось смеяться от радости, но он позволил себе только широкую улыбку. «А ведь это Россия, – пришла неожиданная мысль. – Красиво здесь, оказывается».

Под ногами зашуршало. Сердце мгновенно ушло в пятки, рука непроизвольно метнулась к кобуре со старым добрым «глок-17». Бдящий слева и чуть сзади Рафусаил, чуть присев, вскинул к углеритовому плечу пулемет и рявкнул металлическим голосом:

– Вижу цель!

Трава впереди шевельнулась, и в ноги Камински практически уткнулась острая мордочка существа, название которого капитан «Секрета» вспомнил не сразу. Но все-таки вспомнил.

«Ёж! Пресвятая Дева, это же ежик!»

– Отставить, – приказал он заметно просевшим голосом. – Рафусаил, опусти оружие. Это животное неопасно.

– Какое животное? – немедленно осведомился по радио Малина.

– Ёж. Прямо передо мной, в траве.

– Сдуреть. Живой?

Камински буквально чувствовал, как люди на борту «Секрета» задержали дыхание, слушая их диалог.

– Живее некуда. Такое впечатление, что он совершенно меня не боится. Ноги мои обнюхивает. Погоди-ка...

Камински вспомнил, что кроме оружия у него есть кое-что еще. А именно – фотоаппарат, висящий на груди. Он взял его в руки, навел объектив на бесстрашное животное, поймал кадр и нажал спуск. Вжикнул затвор, коротко полыхнула автовыска. Ежик фыркнул, отпрянул назад и шустро скрылся в траве.

– Убежал, – сообщил капитан и гордо добавил: – Но я успел его сфотографировать.

– Поздравляю, – сказал Малина. – Как вообще самочувствие?

– Нормально. Но, прямо скажем, появление ежика было... э-э... неожиданностью.

– Понимаю. Так что, мы выходим? Стройботы уже аж подпрыгивают от нетерпения. Боюсь, палубу проломают.

– Погоди, дай еще минутку постоять, о'кей?

– Да хоть десять. Слушай, Майк, поверь старому профи. Этот пункт инструкции насчет того, что один из старших офицеров всегда должен оставаться в лавке при высадке на поверхность, писали бюрократы и перестраховщики. И ты это прекрасно знаешь. Давай мы выйдем? Рафусаил нас по-любому прикроет. А? Ну что мы как маленькие, ей-богу, здесь же, кроме нас, нет никого. Разве что русские медведи расплодились, но, думаю, они не рискнут близко подойти. Опять же, если что, «летающий фингал» заметит.

– Все-все, возвращаюсь, – вздохнул капитан. – Уговорил.

Он развернулся и успел сделать несколько шагов к кораблю, когда посерьезневший голос старпома в наушниках произнес:

– Внимание, кэп. «Фингал» заметил движущееся транспортное средство.

Камински остановился:

– Где?

– В четырех километрах к юго-востоку отсюда. Там шоссейная дорога проходит, связывает город Эйнштейн с областным центром, то есть с Калугой.

– Что за транспортное средство? Куда движется?

– Автомобиль. Марка неизвестна. Похож на внедорожник. Двигается от города. То есть почти в нашу сторону. Ориентировочно через пять минут будет у нас на траверзе, в двух кэмэ, сразу вон за той березовой рощей, что за речкой, видишь?

Камински повернулся, взгляделся в заречный простор, купающийся в лучах заходящего солнца. Такой не похожий на Марс. Такой родной. И одновременно такой чужой. Нет, не чужой. Незнакомый, полузабытый, непривычный и от этого кажущийся почти нереальным в своей живой красоте. Слишком много воздуха, запаха, света и цвета. Так не бывает. Теперь бывает...

– Майкл? – голос Малины вывел его из легкой задумчивости.

– Да. Вижу.

– Наши действия?

– Секунду. Он маленький, мы большие, так? И он один.

– Он – это кто?

– Человек за рулем. Даже если и не один... По нашим сведениям, на Земле, кроме нас, людей нет. Теперь, оказывается, есть. Это серьезно меняет планы. Значит, в любом случае надо знакомиться, так как рано или поздно мы с ними столкнемся. Лучше рано. Давай сигнальную ракету.

– Есть. Только это...

– Что?

– Ракетница у тебя на поясе. Ты же снаружи, не я.

Камински открыл было рот, чтобы ответить, но не нашел слов. Поэтому просто снял с пояса ракетницу, поднял над головой и нажал на спуск. С шипением сигнальная ракета ушла вверх, и через несколько секунд в уже начавшем темнеть глубоко синем небе зажглась яркая зеленая звезда.

7

Гром среди ясного неба раздался на выезде из города. Но сначала непонятный шум уловил мой чуткий попутчик.

– Слышишь? – беззвучно осведомился он в моей голове.

– Что?

– Там. – Умирай Быстро показал черным блестящим носом куда-то вперед и вверх. – В небе.

Я пригнулся за рулем и посмотрел в указанном направлении, насколько позволял угол обзора. Синее небо, белые облака, несколько птиц.

– Ничего не вижу. И не слышу.

– У тебя плохой слух. – Арг-кхин приподнял левое ухо и тревожно закрутил лобастой башкой. – Это странно. И теперь не слышишь?

Я машинально прижался к обочине, остановился и выключил двигатель. Прислушался. А ведь прав мой четвероногий друг, что-то ворочается в небе. То ли гроза, то ли...

– Это не гроза. Гроза есть, но совсем далеко.

И впрямь не гроза. Уж больно равномерно гремит. словно по невидимой дорожке в небе катится гигантский шар для боулинга. Ага, и кегли – это мы.

Чувствуя себя не слишком уютно, я вышел из машины и уставился в небо, ощущая у левой ноги теплый бок Умирай Быстро, который тут же выскочил вслед за мной. Черт, забыл, надо бы впредь дверцу с его стороны открывать. А то как-то по-хамски выходит. Мол, если ты похож на собаку, то и отношение к тебе как к собаке. То бишь, сиди, знай свое место и жди, когда хозяин позовет. Или я усложняю?

– Да мне до хвоста, с какой стороны ты мне дверцу откроешь, – явственно прозвучал голос Умирай Быстро. – Главное, чтобы открыл.

Шум нарастал.

Вот оно!

Яркая белая точка возникла севернее, на угловой высоте градусов шестьдесят и двинулась со снижением в нашу сторону.

На то, чтобы нырнуть в салон и вооружиться родимым восьмикратным, мне потребовалось несколько секунд.

Вскинул бинокль к глазам, поймал объект в окуляры, навел резкость.

Опаньки. А ведь это не самолет, мальчики и девочки. Не бывает таких самолетов. Или здесь бывают? Ну да, а как же. Людей нет, а самолеты есть. Размером с океанский лайнер, с тремя фюзеляжами, соединенными общим крылом и еще какими-то фермами, с двумя хвостами, с изрыгающими огонь двигателями, вынесенными в стороны и вверх на мощных изящных кронштейнах, и еще кучей всякой технологической и конструктивной фигни, которую я просто-напросто не смог идентифицировать. Зато смог прочитать надпись в носовой части одного из фюзеляжей, синим по серебристому: Secret. И два непонятных знака сразу за названием – алая окружность в ослепительно-белом прямоугольнике с отходящей вправо и вверх стрелой и следом обращенный рогами вправо белый полумесяц на таком же прямоугольном, только темно-синем фоне.

Ничего не понимаю. Что это такое вообще? «Секрет». Хм. Какое-то знакомое название... Нет, так быстро не вспомнить. И знаки эти. На флаги похожи. Полумесяц... Мусульмане? Турки? Нет, у тех вроде полумесяц со звездой. Да и название по-английски. Плюс второй знак, окружность со стрелой. Где-то я его тоже видел, зараза. Эх, Гугла с Яндексом нет под рукой, и сразу плохо жить. А ведь говорили мама и папа: «Учись, Данечка, хорошо в школе, впитывай знания, запоминай, в жизни пригодится». Не внял.

С ревом и грохотом двигателей и разрываемой на молекулы атмосферой непонятный летательный аппарат шел на снижение.

– Ну и сундук, массаракш! – невольно вырвалось у меня.

– Что такое массаракш?

Я оторвался от бинокля, посмотрел на арг-кхина. Умирай Быстро, склонив голову набок, неотрывно следил за небом.

– Что-то вроде ругательства, не обращай внимания. Видел раньше что-нибудь подобное? – спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Маршен Таун (Martian Town) – столица Марса.

2

Сол – марсианские сутки, равные 24 часам 39 минутам и 35 секундам (прим. автора).

3

Шоа? (ивр. ???????? – бедствие, катастрофа) – термин, употребляемый евреями на иврите и реже на некоторых других языках для обозначения политики немецких нацистов по планомерному уничтожению еврейского этноса.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evtushenko_aleksey/sdvig

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)